

РОМАНЫ

И

П О В Ъ С Т И

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

ЧАСТЬ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ГРЕЧА.

1 8 3 7.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ :

**съ тѣмъ чтобы по отпечатаніи представлены были въ
Цензурный Комитетъ три экземпляра.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 8 Января 1837 года.

Цензоръ П. Корсаковъ.

КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА.

КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА.

Г Л А В А I.

СЕРЖАНТЪ ГВАРДІИ.

Былъ бы гвардіи онъ завтра жъ капитанъ.

— Того не надобно : пусть въ арміи послужить

— Изрядно сказано ! Пускай его потужить

.

Да кто его отецъ ?

Княгиня.

Опець мой , Андрей Пепровичъ Гриневъ , въ молодости своей служилъ при графѣ Минихѣ , и вышелъ въ отсшавку премьеръ-майромъ въ 17... году . Съ тѣхъ поръ жилъ онъ въ своей Симбирской деревнѣ , гдѣ и женил-

ся на дѣвицѣ Авдошѣ Васильевнѣ Ю., дочери бѣднаго тамошняго дворянина. Насъ было девять человѣкъ дѣшей. Всѣ мои братья и сестры умерли во младенчествѣ. Я былъ записанъ въ Семеновскій полкъ сержантомъ, по милости майора гвардіи князя Б., близкаго нашего родственника. Я считался въ опуску до окончанія наукъ. Въ то время воспитывались мы не по нынѣшнему. Съ пятилѣшняго возраста отданъ я былъ на руки стрелянному Савельичу, за презвое поведеніе пожалованному мнѣ въ дядьки. Подъ его надзоромъ, на двѣнадцатомъ году выучился я Русской грамотѣ и могъ очень здраво судить о свойствахъ борзаго кобеля. Въ это время батюшка нанялъ для меня Француза, мосье Бопре, котораго выписали изъ Москвы вмѣстѣ съ годовымъ запасомъ вина и Прованскаго масла. Приѣздъ его сильно не понравился Савельичу. «Слава Богу» — ворчалъ онъ про себя — «кажется, дѣшя умышъ, причесанъ, накормленъ. Куда какъ нужно прапипъ лишніа деньги и нанимашъ мусье, какъ будто и своихъ людей не спало!»

Бопре въ опечествѣ своемъ былъ парикмахеромъ, потомъ въ Пруссіи солдатомъ, потомъ пріѣхалъ въ Россію pour être outchitel, не очень понимая значенія этого слова. Онъ былъ добрый малой, но въпренъ и безпушень до крайности. Главною его слабостію была спрасъ къ прекрасному полу; не рѣдко за свои нѣжности получалъ онъ шолчки, отъ кошорыхъ охалъ по цѣлымъ супкамъ. Къ тому же не былъ онъ (по его выраженію) и *врагомъ бутылки*, то есть (говоря по-Русски) любилъ хлебнуть лишнее. Но какъ вино подавалось у насъ только за обѣдомъ, и то по рюмочкѣ, при чемъ учителя обыкновенно и обносили: то мой Бопре очоно скоро привыкъ къ Русской настойкѣ и даже спалъ предпочипать ее винамъ своего опечества, какъ не въ примѣръ болѣе полезную для желудка. Мы шопчасъ поладили, и хопя по конспракту обязанъ онъ былъ учишь меня *по-Французски, по-Немецки* и *встѣмъ наукамъ*, но онъ предпочель наскоро выучишься отъ меня кое-какъ болшать по-Русски, — и потомъ каждый изъ насъ занимался уже своимъ дѣломъ. Мы жи-

ли душа въ душу. Другаго меншора я и не желалъ. Но вскорѣ судьба насъ разлучила, и вопѣ по какому случаю :

Прачка Палашка, толстая и рябая дѣвка, и кривая коровница Акулька, какъ-то согласились въ одно время кинуться мапушкѣ въ ноги, винясь въ пресупной слабости и съ плачемъ жалуясь на мусье. обольстившаго ихъ неопытность. Мапушка шутить этимъ не любила, и пожаловалась бапюшкѣ. У него расправа была коротка. Онъ тотчасъ попребовалъ каналью Француза. Доложили, что мусье давалъ мнѣ свой урокъ. Бапюшка пошелъ въ мою комнату. Въ это время Бопре спалъ на кровати съномъ невинности. Я былъ занятъ дѣломъ. Надобно знать, что для меня выписана была изъ Москвы географическая карта. Она висѣла на опѣнѣ безо всякаго употребленія и давно соблазняла меня шириною и добропою бумаги. Я рѣшился сдѣлать изъ нее змѣй, и пользуясь съномъ Бопре, принялся за работу. Бапюшка вошелъ въ то самое время, какъ я прилаживалъ мочальный хвостъ къ Мысу Доброй Надежды. Увидя мои упражненія въ

географіи, бапюшка дернулъ меня за ухо, попомъ подбѣжалъ къ Бопре, разбудилъ его очень неоспорожно, и спалъ осыпашъ укоризнами. Бопре въ смященіи хотѣлъ было привспашъ, и не могъ: несчастный Французъ былъ мертво пьянъ. Семь бѣдъ, одинъ опивѣшъ. Бапюшка заворошъ приподнялъ его съ кровати, вышолкалъ изъ дверей, и въ шошъ же день прогналъ со двора, къ неописанной радости Савельича. Тѣмъ и кончилось мое воспитаніе.

Я жилъ недорослемъ, гоня голубей и играя въ чахарду съ дворовыми мальчишками. Между шѣмъ минуло мнѣ шесшнадцапъ лѣшъ. Тушъ судьба моя перемѣнилась.

Однажды осенью мапушка варила въ гопшиной медовое варенья, а я, облизываясь, смошрѣлъ на кипучія пѣнки. Бапюшка у окна читалъ Придворный Календарь. ежегодно имъ получаемый. Эта книга имѣлъ всегда сильнос на него вліяніе: никогда не перчитывалъ онъ ея безъ особеннаго учаспія и чтеніе эшо производило въ немъ всегда удивительное волненіе желчи. Мапушка, знавшая наизуспъ всѣ его свычай и обычай,

всегда старалась засунуть несчастную книгу как можно подале и такимъ образомъ Придворный Календарь не попадался ему на глаза иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ. За то когда онъ случайно его находилъ, то бывало по цѣлымъ часамъ не выпускалъ ужъ изъ своихъ рукъ. И такъ бабюшка читала Придворный Календарь, изрѣдко пожимая плечами и повсюря въ полголоса: «Генераль-поручикъ!.. Онъ у меня въ рошѣ былъ сержантомъ!... Обоихъ Россійскихъ орденъ кавалеръ!.. А давно ли мы...» Наконецъ бабюшка швырнулъ Календарь на диванъ, и погрузился въ задумчивость, не предвѣщавшую ничего добраго.

Вдругъ онъ обратился къ мапушкѣ: «Авдотья Васильевна, а сколько лѣтъ Пепрушѣ?»

— Да вошѣ пошелъ семнадцатый годокъ — опвѣчала мапушка. Пепруша родился въ шопѣ самый годъ, какъ окривѣла тепушка Наспась Герасимова, и когда еще...

«Добро» — прервалъ бабюшка — «пора его въ службу. Полно ему бѣгать по дѣвичьимъ да лазить на голубятни.»

Мысль о скорой разлукѣ со мною такъ поразила мамушку, что она уронила ложку въ кофепрюльку, и слезы пошекли по ея лицу. Напрошивъ того трудно описать мое восхищеніе. Мысль о службѣ сливалась во мнѣ съ мыслями о свободѣ, объ удовольствіяхъ Петербургской жизни. Я воображалъ себя офицеромъ гвардіи, что по мнѣнію моему было верхомъ благополучія человѣческаго.

Башюшка не любилъ ни перемѣнять свои намѣренія, ни откладывать ихъ исполненіе. День отъѣзду моему былъ назначенъ. Наканунѣ башюшка объявилъ, что намѣренъ писать со мною къ будущему моему начальнику, и потребовалъ пера и бумаги.

«Не забудь, Андрей Пепровичъ» — сказала мамушка — «поклонись и отъ меня князю Б. Я думаю надѣюсь, что онъ не оставитъ Пепрушу своими милостями.»

— Что за вздоръ! — отвѣчалъ башюшка нахмурясь. Къ какой спаши спану я писать къ князю Б. ?

«Да вѣдь ты сказалъ, что изволишь писать къ начальнику Пепруши.»

— Ну, а тамъ что ?

« Да вѣдь начальникъ Пепрушинъ — князь Б. Вѣдь Пепруша записанъ въ Семеновскій полкъ. »

— Записанъ! А мнѣ какое дѣло что онъ записанъ? Пепруша въ Пепербургъ не поѣдешь. Чему научишься онъ служба въ Пепербургъ? Мошашъ да повѣсничашъ? Нѣшъ, пускай послужитъ онъ въ арміи, да попянешъ лямку, да понюхаешь пороху да будешь солдашъ, а не шамашонъ. Записанъ въ гвардіи! Гдѣ его пашпоршъ? Подай его сюда.

Машушка отыскала мой пашпоршъ, хранившійся въ ея шкапулкѣ вмѣстѣ съ сорочкою, въ кошорой меня крестили, и вручила его батюшкѣ дрожащею рукою. Батюш прочель его со вниманіемъ, положилъ передъ собою на споль, и началъ свое письмо.

Любопытство меня мучило. Куда-жъ отправляютъ меня, если уже не въ Пепербургъ? Я не сводилъ глазъ съ пера батюшкина, кошорое двигалось довольно медленно. Наконецъ онъ кончилъ, запечатавъ письмо въ одномъ пакетѣ съ паспортомъ, снялъ очки, и подозвавъ меня, сказалъ: « Вотъ тебѣ письмо къ Андрею Карловичу Р., моему

старинному поварищу и другу. Ты ѣдешь въ Оренбургъ служишь подъ его начальствомъ.

И такъ, всѣ мои блестящія надежды рушились! Въмѣсто веселой Петербургской жизни ожидала меня скука въ сторонѣ глухой и опдаленной. Служба, о которой за минуто думалъ я съ такимъ воспоргомъ, показалась мнѣ тяжкимъ несчастіемъ. Но спорить было нечего. На другой день по утрамъ подвезена была къ крыльцу дорожная кибитка; уложили въ нее чемоданъ, погребецъ съ чайнымъ приборомъ и узлы съ булками и пирогами, послѣдними знаками домашняго баловства. Родители мои благословили меня. Батюшка сказалъ мнѣ: «Прощай, Пётръ. Служи вѣрно, кому присягнешь; слушайся начальниковъ; за ихъ лаской не гоняйся; на службу не напрашивайся отъ службы не отговаривайся; и помни пословицу: береги платье съ нову, а честь съ молоду.» Матушка въ слезахъ наказывала мнѣ беречь мое здоровье, а Савельичу смотрѣть за дышпей. Надѣли на меня заячій тулупъ, а сверху лисью шубу. Я сѣлъ въ ки-

битку съ Савелийчемъ, и отправился въ дорогу, обливаясь слезами.

Въ ту же ночь пріѣхаль я въ Симбирскъ гдѣ долженъ былъ пребыть сутки для закупки нужныхъ вещей, что и было поручено Савельичу. Я остановился въ трактирѣ. Савельичъ съ утра отправился по лавкамъ. Соскуча глядѣть изъ окна на грязный переулокъ, я пошелъ бродить по всѣмъ комнапамъ. Вошедъ въ билліардную, увидѣвъ я високаго барина, лѣтъ тридцати пяти, съ длинными усами, въ халатъ съ кіемъ въ рукѣ и съ трубкой въ зубахъ. Онъ игралъ съ маркеромъ копорый при выигрышѣ выпивалъ рюмку водки, а при проигрышѣ долженъ былъ лѣсть подъ билліардъ на четверинкахъ. Я сталъ смотрѣть на ихъ игру. Чѣмъ долѣе она продолжалась, тѣмъ прогулки на четверинкахъ становились чаще, пока наконецъ маркеръ остался подъ балліардомъ. Баринъ произнесъ надъ нимъ нѣсколько сильныхъ выраженій въ видѣ надгробнаго слова, и предложилъ мнѣ сыграть партію. Я отказался по неумѣнію. Это показалось ему, по видимому, страннымъ. Онъ поглядѣлъ на меня

какъ бы съ сожалѣніемъ; однако мы разговорились. Я узналъ что его зовутъ Иваномъ Ивановичемъ Зуринымъ, что онъ ротмистръ** гусарскаго полка и находится въ Симбирскѣ при приѣмѣ рекрутъ, а спойтъ въ практиръ. Зуринъ пригласилъ меня отобѣдаться съ нимъ вмѣстѣ чѣмъ Богъ послалъ, по-содатски. Я съ охотою согласился. Мы сѣли за столъ. Зуринъ пилъ много и подчивалъ и меня, говоря что надобно привыкать къ службѣ; онъ рассказывалъ мнѣ армейскіе анекдоты, отъ которыхъ я со смѣху чуть не валялся, и мы встали изъ-за стола совершенными пріятелями. Тутъ вызвался онъ выучить меня играть на билліардѣ.» Это» говорилъ онъ—«необходимо для нашего брата служиваго. Въ походѣ, на примѣръ, придешь въ мѣстечко; чѣмъ прикажешь заняться? Вѣдь не все же бить Жидовъ. По неволѣ пойдешь въ практиръ и спанешь играть на билліардѣ; а для того надобно умѣть играть!» Я совершенно былъ убѣжденъ, и съ большимъ прилежаніемъ принялся за ученіе. Зуринъ громко ободрялъ меня, дивился моимъ быстрымъ успѣхамъ; и послѣ нѣсколькихъ уро-

ковъ, предложилъ мнѣ играть въ деньги, по одному грошу, не для выигрѣша, а такъ, чтобъ только не играть даромъ, что, по его словамъ, самая скверная привычка. Я согласился и на то, а Зуринъ велѣлъ подать пуншу и уговорилъ меня попробовать, повторяя, что въ службѣ надобно мнѣ привыкать, а безъ пуншу, что и служба! Я послушался его. Между тѣмъ игра наша продолжалась. Чѣмъ чаще прихлебывалъ я отъ моего спакана, тѣмъ становился отважнѣе. Шары поминутно лепали у меня черезъ борть; я горячился, бранилъ маркера, который считалъ Богъ въдаетъ какъ, часъ отъ часу умножалъ игру, словомъ, велъ себя какъ мальчишка, вырвавшійся на волю. Между тѣмъ время прошло незамѣтно. Зуринъ взглянулъ на часы, положилъ кій, и объявилъ мнѣ, что я проигралъ сто рублей. Это меня немножко смутило. Деньги мои были у Савельича. Я сталъ извиняться. Зуринъ прервалъ: Помилуй! Не изволь и безпоиться. Я могу и подождать, а покаместъ поѣдемъ къ Аринушкѣ.»

Что прикажете? День я кончилъ такъ

же безпушно, какъ и началъ. Мы опужинали у Аринушки. Зуринъ поминупно мнѣ подливалъ, повпоряя, что надобно къ службѣ привыкать. Вспавъ изъ-за спола, я чупь держался на ногахъ; въ полночь Зуринъ отвезъ меня въ шракширь.

Савельичъ встрѣшилъ насъ на крыльцѣ. Онъ ахнулъ, увидя несомненные признаки моего усердія къ службѣ. «Что эшо, сударь, съ тобою сдѣлалось?»—сказалъ онъ жалкимъ голосомъ. «Гдѣ ты эшо нагрузился? Ахши, Господи! ошъ роду такоого грѣха не бывало!—Молчи, хрычь!—отвѣчалъ я ему, запинаясь; — ты вѣрно пьянь, пошелъ спать . . . и уложи меня.

На другой день я проснулся съ головою болью, смупно припоминая себѣ вчерашнія происшешствія. Размышленія мои прерваны были Савельичемъ, вошедшимъ ко мнѣ съ чашкою чая. «Рано, Пепръ Андреичъ»—сказалъ онъ мнѣ, качая головою—«рано начинаешь гуляшь. И въ кого ты пошелъ? Кажешся, ни башюшка, ни дѣдушка пьяницами не бывали; о матушка и говоритъ ничего: ошроду, кромѣ квасу, въ ротъ ничего

не изволила брать. А кто всему виноватъ? Проклятый мусье. То идѣло, бывало, къ Ан-шипьевнѣ забѣжитъ: «Мадамъ, же ву при, водкю». Вотъ тебѣ и же ву при! Нечего сказать: добру наставиль, собачій сынъ. И нужно было нанимать въ дядьки басурмана, какъ будто у барина не стало и своихъ людей!»

Мнѣ было стыдно. Я отвернулся и сказалъ ему: Поди вонъ, Савельичъ; я чаю не хочу. Но Савельича мудрено было унять, когда бывало примется за проповѣдь. «Вотъ видишь ли, Пётръ Андреичъ, каково подгуливать. И головкѣ-то тяжело, и кушать-то не хочется. Человѣкъ пьющій ни на что не годенъ. . . . Выпей-ка огуречнаго рассо-лу съ медомъ, а всего бы лучше опохмѣ-лился полспаканчикомъ настойки. Не прикажешь ли?»

Въ это время мальчикъ вошедъ, и подаль мнѣ записку отъ И. И. Зурина. Я развернулъ ее и прочелъ слѣдующія строки :

«Любезный Пётръ Андреевичъ, пожулуй-ста пришли мнѣ съ моимъ мальчикомъ сто

рублей, которые ты мнѣ вчера проигралъ. Мнѣ крайняя нужда въ деньгахъ.

Гоповый ко услугамъ

Иванъ Зуринъ.»

Дѣлашь было нечего. Я взялъ на себя видъ равнодушный, и обратясь къ Савельичу, который былъ *и денегъ и бѣлья и дѣлъ моихъ рачитель*, приказалъ отдашь мальчику сто рублей. «Какъ! за чѣмъ?» спросилъ изумленный Савельичъ.

Я ихъ ему долженъ — отвѣчалъ я со всевозможной холодностію.

«Долженъ!» возразилъ Савельичъ, часъ опѣ часу приведенный въ большее изумленіе;— «да когда же, сударь, успѣшь ты ему задолжать? Дѣло чшо-то не ладно. Воля твоя, сударь, а денегъ я не выдамъ.»

Я подумалъ, что если въ сію рѣшительную минуту не переспорю упрямаго старика, то ужъ въ послѣдствіи времени трудно мнѣ будетъ освободиться опѣ его опеки, и взглянувъ на него гордо, сказалъ: Я твоя господинъ, а ты мой слуга. Деньги мои. Я ихъ проигралъ, потому что такъ

мнѣ вздумалось. А тебѣ совѣтую не умничать, и дѣлать то, что тебѣ приказываютъ.

Савельичъ такъ былъ пораженъ моими словами, что сплеснулъ руками и остолбенѣлъ. Что же ты споишь! — закричалъ я сердито. Савельичъ заплакалъ. «Батюшка Петръ Андреичъ» — произнесъ онъ дрожащимъ голосомъ — «не умори меня съ печали. Свѣтъ ты мой! послушай меня, старика: нациши этому разбойнику, что ты пошутить, что у насъ и денегъ-то такихъ не водится. Сто рублей! Боже ты милоспивый! Скажи, что тебѣ родители крѣпко на крѣпко заказали не играть, окромѣ какъ въ орѣхи». . . . Полно врать — прервалъ я спрого — подавай сюда деньги, или я тебя въ зашей прогоню.

Савельичъ поглядѣлъ на меня съ глубокой горестью и пошелъ за моимъ долгомъ. Мнѣ было жаль бѣднаго старика; но я хотѣлъ вырваться на волю и доказать, что ужъ я не ребенокъ. Деньги были доставлены Зурину. Савельичъ поспѣшилъ вывезти меня изъ проклятаго трактира. Онъ явился съ

извѣстіемъ, что лошади гоповы. Съ неспокойной совѣстію и съ безмолвнымъ разкаяніемъ выѣхаль я изъ Симбирска, не просясь съ моимъ учипелемъ и не думая съ нимъ уже когда нибудь увидѣться.

ГЛАВА II.

ВОЖАТЫЙ.

Сторональ моя, сторонушка,
Сторона незнакомая!
Что не самъ ли я на тебя зашелъ,
Что не добрый ли да меня конь завезъ:
Завезла меня, добраго молодца,
Прытость, бодрость молодецкая
И хмѣлинушка кабацкая.

Старинная пѣсня.

Дорожныя размышленія мои были не очень пріятны. Проигрышъ мой, по тогдашнимъ цѣнамъ, былъ немаловаженъ. Я не могъ не признаться въ душѣ, что поведеніе мое въ Симбирскомъ практирѣ было глупо, и чув-

сповоалъ себя виноватымъ передъ Савельичемъ. Все это меня мучило. Старикъ угрюмо сидѣлъ на облучкѣ, отворотясь отъ меня и молчалъ, изрѣдка только побрякивая. Я непременно хотѣлъ съ нимъ помириться, и не зналъ съ чего нзчашь. Наконецъ я сказалъ ему: «Ну, ну, Савельичъ! полно, помиримся; виноватъ! вижу самъ, что виноватъ. Я вчера напроказилъ, а тебя напрасно обидѣлъ. Обѣщаюсь впередъ вести себя умнѣе и слушаться тебя. Ну, не сердись; помиримся.

Эхъ батюшка Петръ Андреичъ! отвѣчалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ. Сержусь-то я на самого себя; самъ я кругомъ виноватъ. Какъ мнѣ было оставлять тебя одного въ трактирѣ! Что дѣлать? Грѣхъ попуталъ: вздумалъ забрести къ дьячихѣ, повидаться съ кумою. Такъ то: шелькъ кумѣ, да засѣлъ въ пюрѣмѣ. Бѣда да и только! Какъ покажусь я на глаза господамъ? Что скажутъ они, какъ узнаютъ, что дитя пьешъ и играетъ.

Чтобъ утѣшить бѣднаго Савельича, я далъ ему слово впередъ безъ его согласія не

располагать ни одною копейкою. Онъ мало по малу успокоился, хотя все еще изрѣдка ворчалъ про себя, качая головою: «Сто рублей! легко ли дѣло!»

Я приближался къ мѣсту моего назначенія. Вокругъ меня простирались печальныя пустыни, пересѣченныя холмами и оврагами. Все покрыто было снѣгомъ. Солнце садилось. Кибитка ѣхала по узкой дорогѣ, или починѣ по слѣду, проложенному крестьянскими санными. Вдругъ ямщикъ спалъ посмапривать въ сторону, и наконецъ, снявъ шапку, оборотился ко мнѣ и сказалъ: «Баринъ, не прикажешь ли воропиться?»

— Это за чѣмъ?

«Время ненадежно: вѣтеръ слегка подымается; вишь, какъ онъ сметаетъ порошу.»

— Чтожь за бѣда?

«А видишь тамъ что?» (Ямщикъ указалъ кнутомъ на воспокъ.)

— Я ничего не вижу, кромѣ бѣлой степи да яснаго неба.

«А вонъ—вонъ: это облачко.»

Я увидѣлъ въ самомъ дѣлѣ на краю неба

бѣлое облачко, которое принялъ было сперва за отдаленный холмикъ. Ямщикъ изъяснилъ мнѣ, что облачко предвѣщало бурань.

Я слыхаль о тамошнихъ мятеляхъ, и зналъ, что цѣлые обозы бывали имъ занесены. Савельичъ, согласно съ мнѣніемъ ямщика, совѣтоваль воропиться. Но въперъ показался мнѣ не силенъ; я понадѣялся добраться заблаговременно до слѣдующей станціи, и велѣлъ ѣхать скорѣе.

Ямщикъ поскакалъ; но все поглядываль на воспокъ. Лошади бѣжали дружно. Въперъ между тѣмъ часъ опъ часу становился сильнѣе. Облачко обратилось въ бѣлую тучу, которая тяжело подымалась, росла, и поспепенно облежала небо. Пошелъ мелкій снѣгъ — и вдругъ повалилъ хлопьями. Въперъ завылъ; сдѣлалась мяпель. Въ одно мгновение темное небо смѣшалось съ снѣжнымъ моремъ. Все исчезло. «Ну, баринъ» — закричалъ ямщикъ — «бѣда : бурань!»

Я выглянулъ изъ кибитки : все было мракъ и вихоръ. Въперъ вылъ съ такой свирѣпой выразительностію, что казался одушевленнымъ; снѣгъ засыпаль меня и Савельича;

лошади шли шагомъ — и скоро спали. «Что же ты не ѣдешь?» спросилъ я ямщика съ неперпѣніемъ. — Да что ѣхать? — отвѣчалъ онъ, слѣзая съ облучка; — невѣсть и такъ куда заѣхали: дороги нѣтъ, и мгла кругомъ. — Я спалъ было его бранить. Савельичъ за него заступился: «И охота было не слушаться» — говорилъ онъ сердито — «воропился бы на постоялый дворъ, накушался бы чаю, почивалъ бы себѣ до утра, буря бы утихла, отправились бы далѣе. И куда спѣшимъ? Добро бы на свадьбу!» — Савельичъ былъ правъ. Дѣлать было нечего. Снѣгъ такъ и валилъ. Около кибитки подымался сугробъ. Лошади спояли, понуря голову и изрѣдка вздрагивая. Ямщикъ ходилъ кругомъ, отъ нечего дѣлать, улаживая упряжь. Савельичъ ворчалъ; я глядѣлъ во всѣ стороны, надѣясь увидѣть хоть признакъ жила или дороги, но ничего не могъ различить, кромѣ мутнаго круженія мятели. . . . Вдругъ увидѣлъ я что-то черное. «Эй, ямщикъ!» — закричалъ я — «смотри: что тамъ такое чернѣется?» Ямщикъ сталъ всматриваться. — А Богъ знаетъ, баринъ — ска-

заль онъ , садясь на свое мѣсто ; возъ не возъ , дерево не дерево , а кажется что шевелится . Должно быть , или волкъ или человекъ .

Я приказаль ъхать на незнакомый предметъ , который и спаль подвигаться намъ на встрѣчу . Черезъ двѣ минуты мы поравнялись съ человекомъ . « Гей , добрый человекъ ! » — закричалъ ему ямщикъ . « Скажи , знаешь ли гдѣ дорога ? »

— Дорога-то здѣсь ; я стою на твердой полосѣ отвѣчалъ дорожный , да что толку ?

Послушай , мужичокъ — сказалъ я ему — знаешь ли ты эту сторону ? Возьмешься ли ты довести меня до ночлега ?

« Сторона мнѣ знакомая » — отвѣчалъ дорожный — « слава Богу , изхожена и изъѣзжана вдоль и поперегъ . Да видишь какая погода : какъ разъ собьешься съ дороги . Лучше здѣсь остановиться , да переждать , авось буранъ утихнетъ да небо прояснится : тогда найдемъ дорогу по звѣздамъ » .

Его хладнокровіе ободрило меня . Я ужь рѣшился , предавъ себя Божіей воли , ночевать посреди степи , какъ вдругъ дорожный

съль проворно на облучекъ и сказалъ ямщику: Ну, слава Богу, жило недалеко; сворачивай въ право, да поѣзжай.» — А почему ѣхашь мнѣ въ право? — спросилъ ямщикъ съ неудовольствіемъ. — Гдѣ ты видишь дорогу? Не бось: лошади чужія, хомупъ не свой, погоняй не стой. — Ямщикъ казался мнѣ правъ. «Въ самомъ дѣлѣ» — сказалъ я; — «почему думаешь ты, что жило не далече?» — А потому, что вѣтеръ опшолъ попянулъ — опвѣчалъ дорожный, — и я слышу, дымомъ пахнуло; знашь, деревня близко. — Смѣшливость его и тонкость чупья меня изумили. Я велѣлъ ямщику ѣхашь. Лошади тяжело спупали по глубокому снѣгу. Кибитка тихо подвигалась, то вѣзжая на сугробъ, то обрушаясь въ оврагъ и переваливаясь то на одну то на другую сторону. Это похоже было на плаваніе судна по бурному морю. Савельичъ охалъ, поминутно толкаясь о мои бока. Я опустилъ цыновку, закутался въ шубу и задремалъ, убаюканный пѣніемъ бури и качкою тихой ѣзды.

Мнѣ приснился сонъ, котораго никогда не могъ я позабышь, и въ которомъ до сихъ

поръ вижу нѣчто пророческое, когда соображаю съ нимъ странныя обстоятельства моей жизни. Читатель извинишь меня: ибо вѣроятно знаетъ по опыту, какъ сродно человѣку предаваться суевѣрію, не смотря на всевозможное презрѣніе къ предразсудкамъ.

Я находился въ томъ состояніи чувствъ и души, когда существенность, уступая мечпаніямъ, сливается съ ними въ неясныхъ видѣніяхъ первосонія. Мнѣ казалось, буранъ еще свирѣпствовалъ, и мы еще блуждали по снѣжной пустынь... Вдругъ увидѣлъ я воропа и вѣхаль на барскій дворъ нашей усадьбы. Первою мыслию моею было опасеніе чѣтобъ батюшка не прогнѣвался на меня за невольное возвращеніе подъ кровлю родительскую, и не почель бы его умытленнымъ ослушаніемъ. Съ безпокойствомъ я выпрыгнулъ изъ кибитки, и вижу: матушка встрѣчаетъ меня на крыльцѣ съ видомъ глубокаго огорченія. «Тише,» — говорила она мнѣ — «отецъ боленъ при смерти и желаетъ съ тобою проститься.» — Пораженный страхомъ, я иду за нею въ спаль-

ню. Вижу, комната слабо освѣщена: у постели споятъ люди оъ печальными лицами. Я тихонько подхожу къ постели; мапушка приподнимаетъ пологъ и говоритъ: « Андрей Петровичъ, Петруша прѣхаль; онъ ворошился, узнавъ о твоей болѣзни; благослови его. Я спалъ на колѣни, и устремилъ глаза на больнаго. Чтожь? . . . Вмѣсто отца моего, вижу, въ постели лежитъ мужикъ съ черной бородою, весело на меня поглядывая. Я въ недоумѣніи оборотился къ мапушкѣ, говоря ей: Что это значитъ? Это не батюшка. И къ какой мнѣ стати просишь благословенія у мужика?—« Все равно Петруша, »—отвѣчала мнѣ мапушка—« это твой посаженный отецъ; поцѣлуй у него ручку, и пусть онъ тебя благословитъ» Я не соглашался. Тогда мужикъ вскачилъ съ постели, выхватилъ топоръ изъ-за спины и спалъ махалъ во всѣ стороны. Я хотѣлъ бѣжать и не могъ; комната наполнилась мертвыми тѣлами; я спотыкался о тѣла и скользилъ въ кровавыхъ лужахъ Страшный мужикъ ласково меня кликалъ, говоря: « Небойсь, подойди подь мое благосло-

веніе» Ужасъ и недоумѣнію овладѣли мною И въ эпу минушу я проснулся; лошади спояли; Савельичъ держаль меня за руку, говоря: « Выходи, сударь; пріѣхали.

— Куда пріѣхали?—спросиль я, пропирая глаза.— « На постоялый дворъ. Господь помогъ, напкнулись прямо на заборъ. Выходи сударь, скорѣе, да обогрѣйся. »

Я вышелъ изъ кибитки. Буранъ еще продолжался, хопя съ меньшею силою. Было такъ темно, что хопь глазъ выколи. Хозяинъ встрѣпилъ насъ у воротъ, держа фонарь подъ полою, и ввелъ меня въ горницу тѣсную, но довольно чистую; лучина освѣщала ее. На стѣнѣ висѣла винтовка и высокая казацкая шапка.

Хозяинъ, родомъ Яицкій казакъ, казался мужикъ лѣтъ шестидесяти, еще свѣжій и бодрый. Савельичъ внесъ за мною погребецъ, потребоваль огня, чтобъ приготовить чай, который никогда такъ не казался мнѣ нужень. Хозяинъ пошелъ хлопотать.

— Гдѣ же жогапый?—спросиль я у Савельича.

« Здѣсь, ваше благородіе » — отвѣчалъ мнѣ

голосъ сверху. Я взглянулъ на палати, и увидѣлъ черную бороду и два сверкающія глаза. — Что, братъ? прозябъ? — «Какъ не прозябнуть въ одномъ худенькомъ армякѣ! Былъ шулупъ, да что грѣха таить? зложилъ вечеръ у цѣловальника: морозъ показался не великъ.» Въ эту минуту хозяинъ вошелъ съ кипящимъ самоваромъ; я предложилъ вожатому нашему чашку чаю; мужикъ слѣзъ съ полатей. Наружность его показалась мнѣ замѣчательна. Онъ былъ лѣтъ сорока, росту средняго, худощавъ и широкоплечъ. Въ черной бородѣ его показывалась просѣдь; живые большіе глаза такъ и бѣгали. Лице его имѣло выраженіе довольно пріятное, но плутовское. Волоса были обстрижены въ кружокъ; на немъ былъ оборванный армякъ и Тапарскіе шаровары. Я поднесъ ему чашку чаю; онъ отвѣдалъ и поморщился. «Ваше благородіе сдѣлайте мнѣ такую милость, — прикажите поднести спаканъ вина; чай не наше казачье питье. Я съ охотой исполнилъ его желаніе. Хозяинъ вынулъ изъ спавца штофъ и спаканъ, подошелъ къ нему, и взглянулъ

ему въ лице: «Эхе»—сказаль онъ «опять ты въ нашемъ краю! Отколъ Богъ принесъ?» Вожапый мой мигнулъ значитель-но и отвѣчалъ поговоркою: «Въ огородъ лепаль, конопли клеваль; швырнула бабушка камушкомъ—да мимо. Ну, а что ваши?»

— Да что наши!— отвѣчалъ хозяинъ, продолжая иносказательный разговоръ, — спали было къ вечерни звонить, да попадья не велишь: попъ въ гостяхъ, черши на пого-спѣ.—«Молчи, дядя,»—возразиль мой бродяга—«будеть дождикъ, будутъ и грибки; а будутъ грибки, будетъ и кузовъ: А теперь (тупъ онъ мигнулъ опять) запкни попоръ за спину: лѣсничій ходить. Ваше благородіе! за ваше здоровье!»— При сихъ словахъ онъ взялъ спаканъ, перекрестился и выпиль однимъ духомъ. Попомъ поклонился мнѣ и воропился на лапы.

Я ничего не могъ тогда понять изъ этого воровскаго разговора; но послѣ ужь догадался, что дѣло шло о дѣлахъ Яицкаго войска, въ то время только что усмиренаго послѣ бунта 1772 года. Савельичъ слушалъ съ видомъ большаго неудовольствія.

Онъ посмаприваль съ подозрѣніемъ то на хозяина, то на важапаго. Постояльй дворъ или, по тамошнему, *уметь*, находился въ сторонѣ, въ степи далече отъ всякаго селенія, и очень походиль на разбойническую пристань. Но дѣлать было нечего. Нельзя было и подумать о продолженіи пути. Безспокойство Савельича очень меня забавляло. Между тѣмъ я расположился ночевать и легъ на лавку. Савельичъ рѣшился убраться на печь; хозяинъ легъ на полу. Скоро вся изба захрапѣла, и я заснулъ какъ убитый.

Проснувшись по утру довольно поздно, я увидѣлъ, что буря утихла. Солнце сіяло. Снѣгъ лежалъ ослѣпительной пеленою на необозримой степи. Лошади были запряжены. Я расплатился съ хозяиномъ, который взялъ съ меня такую умеренную плату, что даже Савельичъ съ нимъ не заспорилъ и не спалъ торговаться по своему обыкновенію и вчерашнія подозрѣнія изгладились совершенно изъ головы его. Я позвалъ вожапаго, благодарилъ за оказанную помощь, и велѣлъ Савельичу дать ему полпину на вод-

ку. Савельичъ нахмурился. «Полпину на водку!» — сказалъ онъ — «за что это? за то что ты же изволилъ подвезти его къ постоялому двоу? Воля твоя; сударь: нѣтъ у насъ лишнихъ полпинъ. Всякому давать на водку такъ самому скоро придется голодать.» Я не могъ спорить съ Савельичемъ. Деньги, по моему обѣщанію, находились въ полномъ его распоряженіи. Мнѣ было досадно однакожъ, что не могъ отблагодарить человека, выручившаго меня, если не изъ бѣды, то по крайней мѣрѣ изъ очень непріятнаго положенія. Хорошо — сказалъ я хладнокровно; если не хочешь дать полпину, то вынь ему чтонибудь изъ моего плащя. Онъ одѣтъ слишкомъ легко. Дай ему мой заячій шулупъ.

«Помилуй, бапюшка Пепръ Андрѣичъ!» — сказалъ Савельевичъ, «За чѣмъ ему твоей заячій шулупъ! Онъ его пропьетъ, собака; въ первомъ кабакѣ».

Это, старинушка, ужъ не твоя печаль, сказалъ мой бродяга, «пропью или нѣтъ. Его благородіе мнѣ жалуетъ шубу съ своего

плеча: его на то барская воля, а пвое холопье дѣло не спорить и слушаться.

«Бога ты не боишься, разбойникъ!»—отвѣчалъ ему Савельичъ сердитымъ голосомъ. «Ты видишь, что дитя еще не смыслилъ, а ты и радъ его обобрать, простомы его ради. За чѣмъ тебя барскій тулупчикъ? Ты и не напялишь его на свои окоянные плечища.»

—Прошу не умничать,—сказалъ я своему дядькѣ; сей-часъ неси сюда тулупъ.

«Господи владыко!» простоналъ мой Савельичъ.— «Заячій тулупъ почти новешенкій! И добро бы кому, а то пьяницѣ оголѣлому

Однако заячій тулупъ явился. Мужичокъ тулупъ же спалъ его примѣривать. Въ самомъ дѣлѣ тулупъ, изъ копораго успѣлъ и я вырасти, былъ немножко для него узокъ. Однако онъ кое-какъ умудрился, и надѣлъ его, распоровъ по швамъ. Савельичъ чуть не завылъ, услыша, какъ нитки запрещали. Бродяга былъ чрезвычайно доволенъ моимъ подаркомъ. Онъ проводилъ меня до кибишки и сказалъ съ низкимъ поклономъ: «спасибо, ваше Благородіе! Награди васъ Господь за

вашу добродѣтель. Вѣкъ не забуду вашихъ милоспей».—Онъ пошелъ въ свою спорону а я опправился далѣе, не обращая вниманія на досаду Савельича, и скоро позабылъ о вчерашней вьюгѣ, о своемъ жожапомѣ и о заячемъ тулупѣ.

Пріѣхавъ въ Оренбургъ, я прямо явился къ генералу. Я увидѣлъ мужчину роста высокаго, но уже сгорбленнаго старостію. Длинные волосы его были совсѣмъ бѣлы. Старый полинялый мундиръ напоминалъ война временъ Анны Іоановны, а въ его рѣчи сильно отзывался Нѣмецкій выговоръ. Я подалъ ему письмо отъ бапюшки. При имени его, онъ взглянулъ на меня быспро: «Поже мой!» сказалъ онъ. «Тавно-ли, кажется, Андрей Пепровичъ былъ еще пвоихъ лѣтъ, а теперь вопть ушь какой у него молопець! Ахъ, фремя, фремя!»—Онъ распечаталъ письмо и спалъ чипать его въ полголоса, дѣлая свои замѣчанія: «Милоспивый государь Андрей Карловичъ, надѣюсь что ваше провосходительство» Это что за серемоніи? Фуй, какъ ему не софѣстно? Конечно: дисциплина перво дѣло, но такъ ли пишуть къ спа-

рому камрадъ? ваше превосходительство не забыло» гм. . . . «и когда покойнымъ фельдмаршаломъ Мин походъ также и Каролинку» . . . Эхе, брудеръ! такъ онъ еще помнитъ стары наши проказы? «Теперь о дѣлѣ Къ вамъ моего повѣсу» гм. . . . «держатъ въ ежовыхъ рукавицахъ» Что такое ешевы рукавицы? Это должно быть Русска поговорка Что такое держатъ въ ешевыхъ рукавицахъ!» повторишь онъ, обращаясь ко мнѣ.

— Это значить, — отвѣчалъ я ему съ видомъ какъ можно болѣе невиннымъ, — обходишься ласково, не слишкомъ строго, давай побольше воли, держатъ въ ежовыхъ рукавицахъ.

«Гм, понимаю «и не давай ему воли» нѣтъ, видно ешевы рукавицы значить не то «При семь паспортъ» Гдѣ жъ онъ? А, вотъ Опиши въ Семеновскій». . . . Хорошо, хорошо: все будетъ сдѣлано «Позволишь безъ чиновъ обнять себя и старымъ поварихамъ и другомъ» — а! наконецъ догадался. . . .

и прочая и прочая . . . Ну, бапюшка»—сказаль онъ, прочитавъ письмо и опложивъ въ спорону мой паспортъ — «все будетъ сдѣлано: ты будешь офицеромъ переведень въ *** полкъ, и чпобъ тебѣ времени не перяпъ, то завтра же поѣзжай въ Бѣлогорскую крѣпость, гдѣ ты будешь въ командѣ капитана Миронова, добраго и честнаго челоуѣка. Тамъ ты будешь на службѣ настоящей, научишься дисциплинѣ. Въ Оренбургѣ дѣлапъ тебѣ нечего; разсѣянiе вредно молодому челоуѣку. А сегодня милости просимъ опобѣдать у меня.»

Часъ опъ часу не легче! подумаль я про себя: къ чему послужило мнѣ то, что почти въ упробѣ матери, я былъ уже гвардiи сержантомъ! Куда это меня завело? Въ *** полкъ и въ глухую крѣпость на границу Киргизъ-Кайсацкихъ степей. . . . Я опобѣдалъ у Андрея Карловича, впроемъ съ его старымъ адъютантомъ. Спрогая Нѣмецкая экономiя царствовала за его столонъ, и я думаю, что спрахъ видѣлъ иногда лишняго гостя за своею холостною трапезою былъ

отчасти причиною поспѣшнаго удаленія моего въ гарнизонъ. На другой день я просился съ генераломъ и отправился къ мѣсту моего назначенія.

ГЛАВА III.

КРѢПОСТЬ.

Мы въ фортеціи живемъ,
Хлѣбъ ѣдимъ и воду пьемъ ;
А какъ лютые враги
Прійдутъ къ намъ на пироги ,
Зададимъ гостямъ пирушку ,
Зарядимъ картечью пушку.

Солдатская пѣсня.

Старинные люди, мой батюшка.

Недоросль.

Бѣлогорская крѣпость находилась въ сорока верстахъ отъ Оренбурга. Дорога шла по крутому берегу Яика. Рѣка еще не за-

мерзла, и ея свинцовыя волны грустно чернѣлись въ однообразныхъ берегахъ, покрытыхъ бѣлымъ снѣгомъ. За ними простирались Киргизскія степи. Я погрузился въ размышленія, большею частію печальныя. Гарнизонная жизнь мало имѣла для меня привлекательности. Я старался вообразить себя капитана Миронова, моего будущаго начальника, и представлялъ его спрогимъ, сердитымъ старикомъ, незнающимъ ничего кромѣ своей службы, и готовымъ за всякую бездѣлицу сажать меня подъ арестъ на хлѣбъ и на воду. Между тѣмъ начало смеркаться. Мы ѣхали довольно скоро. Далече ли до крѣпости?—спросилъ я у своего ямщика.—« Недалече »—отвѣчалъ онъ. « Вонъ ужъ видна. »—Я глядѣлъ во всѣ стороны, ожидая увидѣть грозные бастіоны, башни и валъ; но ничего не видалъ, кромѣ деревушки, окруженной бревенчатымъ заборомъ. Съ одной стороны стояли три или четыре скирда сѣна, полузанесенные снѣгомъ; съ другой скривившаяся мельница, съ лубочными крыльями, лѣниво опущенными. Гдѣ же крѣпость?—спросилъ я съ удивленіемъ.—

« Да вопшь она » — отвѣчалъ ямщикъ указывая на деревушку, и съ этимъ словомъ мы въ нее въѣхали. У воротъ увидѣлъ я старую чугунную пушку; улицы были тѣсны и кривы; избы низки и большею частію покрыты соломою. Я велѣлъ ѣхать къ коменданту, и черезъ минуту кибитка остановилась передъ деревяннымъ домикомъ, выстроеннымъ на высокомъ мѣстѣ, близъ деревянной же церкви.

Никто не встрѣпилъ меня. Я пошелъ въ сѣни и отворилъ дверь въ переднюю. Старый инвалидъ, сидя на столѣ, нашивалъ синюю заплату на локоть зеленаго мундира. Я велѣлъ ему доложить обо мнѣ. « Войди, бапюшка » — отвѣчалъ инвалидъ; « наши дома. » Я вошелъ въ чистенькую комнатку, убранную по старинному. Въ углу стоялъ шкафъ съ посудой; на стѣнѣ висѣлъ дипломъ офицерскій за стекломъ и въ рамкѣ; около него красовались лубочныя картинки, представляющія взятіе Кистрина и Очакова, также выборъ невѣсты и погребеніе копа.

У окна сидѣла старушка въ тѣлогрѣйкѣ и съ плапкомъ на головѣ. Она размапывала нитки, которыя держаль, распяливъ на рукахъ, кривой спаричокъ въ офицерскомъ мундирѣ. «Что вамъ угодно, бапюшка?» — спросила она, продолжая свое занятіе. Я отвѣчалъ, что прѣхаль на службу и явился по долгу своему къ господину капитану, и съ эшимъ словомъ обратился-было къ кривому старичку, принимая его за коменданта; но хозяйка перебила заптверженную мною рѣчь. «Ивана Кузмича дома нѣтъ» — сказала она; «онъ пошелъ въ гости къ опцу Герасиму; да все равно, бапюшка, я его хозяйка. Прошу любить и жаловать. Садись, бапюшка.» Она кликнула дѣвку и велѣла ей позвать урядника. Спаричокъ своимъ одинокимъ глазомъ поглядываль на меня съ любопытствомъ. «Смѣю спросить» — сказалъ онъ, «вы въ какомъ полку изволили служить?» Я удовлетвориль его любопытству. «А смѣю спросить» — продолжалъ онъ, «зачѣмъ изволили вы перейти изъ гвардіи въ гарнизонъ?» Я отвѣчалъ, что такова была воля начальства. «Чаятельно, за неприличные гвардіи

офицеру поступки» — продолжалъ неушомимый вопрошатель. — «Полно врать пустяки» — сказала ему капитанша — «ты видишь, молодой человекъ съ дороги уснать; ему не до тебя. . . . (держи-ка руки прямъе. . . .). А ты, мой батюшка» — продолжала она, обращаясь ко мнѣ — «не печалься, что тебя упекли въ наше захоlustье. Не ты первый, не ты послѣдній. Стерпится, слюбится. Швабринъ, Алексѣй Ивановичъ, вошь ужъ пятый годъ какъ къ намъ переведенъ за смертоубійство. Богъ знаетъ, какой грѣхъ его поупалъ; онъ, изволишь видѣшь, поѣхалъ за городъ съ однимъ поручикомъ, да взяли съ собою шпаги, да и ну другъ въ друга пырять, а Алексѣй Ивановичъ и закололъ поручика, да еще при двухъ свидѣтеляхъ! Чшо прикажешь дѣлать? На грѣхъ мастера нѣтъ.»

Въ эту минушу вошелъ урядникъ, молодой и стапный казакъ. «Максимишь!» — сказала ему капитанша. — «Отведи г. офицеру квартиру, да почище.» — «Слушаю, Василиса Егоровна,» — отвѣчалъ урядникъ. — Не помѣспить ли его благородіе къ Ивану По-

лежаеву?»—«Врешь, Максимыч»— сказала капитанша: «у Полежаева и такъ тѣсно; онъ же мнѣ кумъ и помнишь, чшо мы его начальники. Опведи г. офицера... какъ ваше имя и опчеспво, мой батюшка?»— Петръ Андреичъ. — «Опведи Петра Андреича къ Семену Кузову. Онъ, мошенникъ, лошадь свою пустиль ко мнѣ въ огородъ. Ну чшо, Максимычъ, все ли благополучно?»

—Все, слава Богу, тихо, — опвѣчалъ казакъ; — только капраль Прохоровъ подрался въ банѣ съ Устиньей Негулиной за шайку горячей воды.

«Иванъ Игнапъичъ!» — сказала капитанша кривому спаричку. — «Разбери Прохорова съ Устиньей, кто правъ, кто виноватъ. Да обоихъ и накажи. Ну, Максимычъ, ступай себѣ съ Богомъ. Петръ Андреичъ, Максимычъ опведеть васъ на вашу квартиру.»

Я опкланялся. Урядникъ привель меня въ избу, стоявшую на высокому берегу рѣки, на самомъ краю крѣпости. Половина избы занята была семьею Семена Кузова, другую

опшвели мнѣ. Она состояла изъ одной горницы довольно опряшной, раздѣленной надвое перегородкой. Савельичъ спалъ въ ней распоряжась; я спалъ глядѣшь въ узенькое окошко. Передо мною проспиралась печальная сшепь. Наискось спояло нѣсколько избушекъ; по улицѣ бродило нѣсколько куриць. Спаруха, споя на крыльцѣ съ корытомъ, кликала свиней, которыя опшвѣчали ей дружелюбнымъ хрюканьемъ. И вошъ въ какой споронѣ осужденъ я былъ проводишь мою молодость! Тоска взяла меня; я опшшелъ опъ окошка и легъ спашъ безъ ужина, не смотря на увѣщанія Савельича, который повпорялъ съ сокрушеніемъ: «Господи Владыко! ничего кушашъ не изволишь! Что скажешъ барыня, коли дишя занеможешъ?»

На другой день поуспру я шолько - что спалъ одѣвашься, какъ дверь опшворилась и го мнѣ вошелъ молодой офицеръ невысокаго роспа, съ лицомъ смуглымъ и опшмѣнно некрасивымъ, но чрезвычайно живымъ. «Извинише меня» — сказалъ онъ мнѣ по-Французски — «что я безъ церемоніи прихожу съ

вами познакомишься. Вчера узналъ я о вашем приезде; желание увидѣть наконецъ человеческое лицо такъ овладѣло мною, что я не вытерпѣлъ. Вы это поймете, когда проживете здѣсь еще нѣсколько времени.»— Я догадался, что это былъ офицеръ, выпитанный изъ гвардіи за поединокъ. Мы тотчасъ познакомились. Швабринъ былъ очень не глупъ. Разговоръ его былъ острый и занимательный. Онъ съ большою веселостію описалъ мнѣ семейство коменданта, его общество и край, куда завела меня судьба. Я смѣялся отъ чистаго сердца, когда вошелъ ко мнѣ тотъ самый инвалидъ, который чистилъ мундиръ въ передней коменданта, и отъ имени Василисы Егоровны позвалъ меня къ нимъ обѣдать. Швабринъ вызвался идти со мною вмѣстѣ.

Подходя къ комендантскому дому, мы увидѣли на площадкѣ человекъ двадцать спаренныхъ инвалидовъ съ длинными косами и въ преугольныхъ шляпахъ. Они выстроены были во фронтъ. Впереди стоялъ комендантъ, шарикъ бодрый и высокаго роста, въ колпакъ и въ китайчатомъ халатѣ. Уви-

дя насъ, онъ къ намъ подошелъ, сказалъ мнѣ нѣсколько ласковыхъ словъ, и спалъ опять командовать. Мы остановились-было смопрѣшь на ученье; но онъ просилъ насъ идти къ Василисѣ Егоровнѣ, обѣщаясь быть вслѣдъ за нами. «А здѣсь» — прибавилъ онъ — «нечего вамъ смопрѣшь.»

Василиса Егоровна приняла насъ запросто и радушно, и обошлась со мною какъ бы вѣкъ была знакома. Инвалидъ и Палашка накрывали столъ. «Что это мой Иванъ Кузмичъ сегодня такъ заучился!» — сказала коменданша. «Палашка, позови барина обѣдать. Да гдѣ же Маша?» — Тутъ вошла дѣвушка лѣтъ осьмнадцати, круглолицая, румяная, съ свѣпслорусыми волосами, гладко зачесанными за уши, копорья у ней такъ и горѣли. Съ перваго взгляда она не очень мнѣ понравилась. Я смопрѣлъ на нее съ предубѣжденіемъ: Швабринъ описалъ мнѣ Машу, капитанскую дочь, совершенною дурочкою. Марья Ивановна съла въ уголь и спала шипъ. Между тѣмъ подали щи. Василиса Егоровна, не видя мужа, впорично послала за нимъ Палашку. «Скажи барину: гости-де ждуть,

щи проспынушь; слава Богу, ученье не уйдетъ; успѣешь накричаться.»— Капитанъ вскорѣ явился, сопровождаемый кривымъ шаричкомъ. «Что это, мой батюшка?»— сказала ему жена, «Кушанье давнымъ-давно подано, а тебя не дозовешься.»— А слышь ты, Василиса Егоровна, — отвѣчалъ Иванъ Кузмичъ, — я былъ занявъ службой: солдапушекъ училъ.

«И, полно!»— возразила капитанша. «Только слава, что солдапу учишь: ни имъ служба не дается, ни ты въ ней полку не въдаешь. Сидѣлъ бы дома, да Богу молился, такъ было бы лучше. Дорогіе госпи, милости просимъ за споль.»

Мы съли обѣдашь. Василиса Егоровна не умолкала ни на минушу и осыпала меня вопросами, кто мои родишели, живы ли они, гдѣ живутъ и каково ихъ соспоянiе. Услыша, что у батюшки приста душъ крестьянъ, «легко ли!»—сказала она; «вѣдь еспь же на свѣшъ богашые люди! А у насъ, мой батюшка, всего-то душъ одна дѣвка Палашка; да слава Богу, живемъ помаленьку. Одна бѣда: Маша дѣвка на выданѣ, а какое у

ней приданое? часпый гребень, да вѣникъ, да алпынь денегъ (прости Богъ!), съ чѣмъ въ баню сходишь. Хорошо, коли найдешся добрый человекъ, а шо седи себѣ въ дѣвкахъ вѣковѣчной невѣстою.»—Я взглянулъ на Марью Ивановну; она вся покраснѣла, и даже слезы капнули на ея шарелку. Мнѣ стало жаль ея, и я спѣшилъ перемѣнить разговоръ. Я слышалъ, — сказалъ я довольно некстати, — что на вашу крѣпость собираются напастъ Башкирцы. «Ошъ кого, бапюшка, ты изволилъ эшо слышать?» — спросилъ Иванъ Кузмичъ. — Мнѣ такъ сказывали въ Оренбургѣ, — отвѣчалъ я. «Пустяки!» — сказалъ комендантъ. «У насъ давно ничего не слыхатъ. Башкирцы — народъ напуганный, да и Киргизцы проучены. Не бось, на насъ не сунулся, а насунулся, такъ я шакую задамъ оспраску, что лѣтъ на десятъ угомоню.» — И вамъ не спрашно, — продолжалъ я, обращаясь къ капитаншѣ, — оставапсья въ крѣпости, подверженной такимъ опасностямъ? — «Привычка, мой бапюшка» — отвѣчала она «Тому лѣтъ двадцатъ какъ насъ изъ полка перевели сюда, и не приведи Го-

споди, какъ я боялась проклятыхъ эшихъ нехристей! Какъ заввижу, бывало рысьи шапки, да какъ заслышу ихъ визгъ, вѣришь ли, отецъ мой, сердце такъ и замреть! А теперь такъ привыкла, что и съ мѣсна не пронусь, какъ прійдушь намъ сказать, что злодѣи около крѣпости рыщущь.»

—Василиса Егоровна прехрабрая дама—замѣшилъ важно Швабринъ. — Иванъ Кузмичъ можешь это засвидѣтельствовать.

«Да, слышь ты,»—сказалъ Иванъ Кузмичъ; «баба-то не робкаго десяпка.»

—А Марья Ивановна?—спросилъ я; такъ же ли смѣла, какъ и вы?

«Смѣла ли Маша?»—отвѣчала ея мать. «Нѣтъ, Маша трусиха. До сихъ поръ не можешь слышать выстрѣла изъ ружья: такъ и запрепещется. А какъ шому два года Иванъ Кузмичъ выдумалъ въ мой именины палишь изъ нашей пушки, такъ она, голубушка, чуть со спраха на топъ свѣшь не опправилась. Съ тѣхъ поръ ужъ и не палишь изъ проклятой пушки.»

Мы встали изъ-за стола. Капитанъ съ капитаншею отправились спать, а я пошелъ къ Швабрину, съ которымъ и провелъ цѣлый вечеръ.

ГЛАВА IV.

ПОЕДИНОКЪ.

Инь изволь и стань же въ позитуру.
Посмотришь, проколю какъ я твою фигуру!

Княжнинъ.

Прошло нѣсколько недѣль, и жизнь моя въ Бѣлогорской крѣпости сдѣлалась для меня не только сносною, но даже и пріятною. Въ домѣ коменданта былъ я принятъ какъ родной. Мужъ и жена были люди самые почтенные. Иванъ Кузмичъ, вышедшій въ офицеры изъ солдатскихъ дѣтей, былъ чело-вѣкъ необразованный и простой, но самічй

честный и добрый. Жена его имъ управляла, что согласовалось съ его безпечностію. Василиса Егоровна и на дѣла службы смотрѣла какъ на свои хозяйскія, и управляла крѣпосцію такъ шочно, какъ и своимъ домкомъ. Марья Ивановна скоро переспала со мною дичисься. Мы познакомились. Я въ ней нашель благоразумную и чувспивительную дѣвушку. Незамѣпнымъ образомъ я привязался къ доброму семейству, даже къ Ивану Игнашьичу, кривому гарнизонному поручику, о кошоромъ Швабринъ выдумаль, будшо бы онъ былъ въ непозвопительной связи съ Василисой Егоровной, что не имѣло и шѣни правдоподобія; но Швабринъ о томъ не безпокоился.

Я былъ произведенъ въ офицеры. Служба меня не ошягошила. Въ богоспасаемой крѣпоспи не было ни смопровъ, ни ученій. ни карауловъ. Комендантъ по собспвенной охоспѣ училь иногда своихъ солдашъ; но еще не могъ добисься, чтообы всѣ они знали, кошорая спорона правая, кошорая лѣвая. У Швабрина было нѣсколько Французскихъ книгъ. Я сталъ чипашъ, и во мнѣ пробу-

дилась охота къ литературѣ. По ушрамъ я чипаль, упражнялся въ переводахъ, а иногда и въ сочиненіи стиховъ. Обѣдалъ почти всегда у коменданта, гдѣ обыкновенно проводилъ остатокъ дня, и куда вечеромъ иногда являлся отецъ Герасимъ съ женою Акулиной Панфиловной, первою въсповщицею во всемъ окологкѣ. Съ А. И. Швабринымъ, разумѣется, видѣлся я каждый день, но часъ ошъ часу бесѣда его спановилась для меня менѣе пріятною. Всегдашнія шулки его на счешъ семьи коменданта мнѣ очень не нравились, особенно колкія замѣчанія о Марьѣ Ивановнѣ. Другаго общесства въ крѣпости не было; но я другаго и не желаль.

Не смотря на предсказанія, Баткирцы не возмущались. Спокойствіе царствовало во кругъ нашей крѣпости. Но миръ былъ прерванъ незапнымъ междоусобіемъ.

Я ужъ сказываль, что я занимался литературою. Опыты мои, для тогдашняго времени, были изрядны, и Александръ Пепровичъ Сумароковъ, нѣсколько лѣтъ послѣ, очень ихъ похваляль. Однажды удалось мнѣ

написать пѣсенку, которою былъ я дово-
ленъ. Извѣстно, что сочинители иногда,
подъ видомъ прѣбванія совѣтовъ, ищущъ
благосклоннаго слушателя. И такъ, перепи-
савъ мою пѣсенку, я понесъ ее къ Швабри-
ну, который одинъ во всей крѣпости могъ
оцѣнить произведеніе стихотворца. Послѣ
маленькаго предисловія, вынулъ я изъ кар-
мана свою тепрадку, и прочелъ ему слѣдую-
щіе стихи:

Мысль любовну истребляя,
Тщусь прекрасную забыть.
И ахъ, Машу избѣгая,
Мыслю вольность получить!

Но глаза, что мя плѣнили,
Всемиутно предо мной;
Они духъ во мнѣ смутили,
Сокрушили мой покой.

Ты, узнавъ мои напасти,
Сжался, Мама, надо мной;
Зря меня въ сей лютой части,
И что я плѣненъ тобой.

Какъ ты это находишь? — спросилъ я
Швабрина, ожидая похвалы, какъ дани, мнѣ
непремѣнно слѣдующей. Но, къ великой моей

досадъ , Швабринъ , обыкновенно снисходительный, рѣшительно объявилъ, что пѣсня моя не хороша.

Почему такъ? — спросилъ я его, скрывая свою досаду.

«Почему» — отвѣчалъ онъ — «что такіе стихи достойны учителя моего, Василья Кирилыча Тредьяковскаго, и очень напоминаютъ его любовные куплеты.»

Тутъ онъ взялъ опъ меня шепрадку и началъ немилосердо разбирать каждый стихъ и каждое слово, издѣваясь надо мной самымъ колкимъ образомъ. Я не вытерпѣлъ, вырвалъ изъ рукъ его мою шепрадку и сказалъ, что ужь опроду не покажу ему своихъ сочиненій. Швабринъ посмѣялся и надъ этой угрозой. — «Посмотримъ сказалъ онъ — «сдержишь ли ты свое слово: стихотворцамъ нуженъ слушатель, какъ Ивану Кузмичу графинчикъ водки передъ обѣдомъ. А кто эта Маша, передъ которой изъясняешься въ нѣжной страсти и въ любовной напасти? Ужь не Марья ль Ивановна?»

— Не швое дѣло — опвѣчалъ я нахмурясь, — кто бы ни была эта Маша. Не шребую ни твоего мнѣнія, ни твоихъ догадокъ.

« Ого ! самолюбивый спихопворецъ и скромный любовникъ ! » — продолжалъ Швабринъ, часъ опъ часу болѣе раздражая меня; — « но послушай дружескаго совѣта: коли ты хочешь успѣшь, то совѣшую дѣйствовать не пѣсенками. »

— Что это, сударь, значить ? Изволь объясниться.

« Съ охотою. Это значить, что ежели хочешь, чтобы Маша Миронова ходила къ тебѣ въ сумерки, то, вмѣсто нѣжныхъ спишковъ, подари ей пару серегъ. »

Кровь моя закипѣла. А почему ты объ ней такого мнѣнія ? — спросилъ я, съ шрудомъ удерживая свое негодованіе.

« А пошому, опвѣчалъ онъ съ адской усмѣшкою, » « что знаю по опыту ея нравъ и обычай. »

— Ты лжешь, мерзавецъ ! — вскричалъ я въ бѣшенствѣ, — ты лжешь самымъ безспыднымъ образомъ.

Швабринъ перемѣнился въ лицѣ. «Это тебѣ такъ не пройдетъ» — сказалъ онъ, списнувъ мнѣ руку. «Вы мнѣ дадите сапсифакцію.»

—Изволь, когда хочешь! — отвѣчалъ я обрадовавшись. Въ эту минуту я готовъ былъ расшерзать его.

Я тотчасъ отправился къ Ивану Игнашъичу, и засталъ его съ иголкою въ рукахъ; по порученію коменданши, онъ нанизывалъ грибы для сушенья на зиму. «А Пепръ Андрейчъ!» — сказалъ онъ, увидя меня; «добро пожаловать! Какъ это васъ Богъ принесъ? по какому дѣлу, смѣю спросить?» Я въ короткихъ словахъ объяснилъ ему, что я поссорился съ Алексѣемъ Ивановичемъ, а его, Ивана Игнашъича, прошу быть моимъ секундантомъ. Иванъ Игнашъичъ выслушалъ меня со вниманіемъ, выпараща на меня свой единственный глазъ. «Вы изволите говорить» — сказалъ онъ мнѣ — «что хотите Алекся Ивановича заколотъ и желаете, чтобы я при томъ былъ свидѣтелемъ? Такъ-ли? смѣю спросить.»

—Точно такъ.

«Помилуйте, Пётръ Андрейчъ! Что это вы затѣяли! Вы съ Алексѣемъ Иванычемъ побранились? Велика бѣда! Брань на вору не виснешь. Онъ васъ побранилъ, а вы его выругайте; онъ васъ въ рыло, а вы его въ ухо, въ другое, въ шрепье—и разойдитесь, а мы васъ ужь помиримъ. А по: доброе ли дѣло заколоть своего ближняго, смѣю спросить? И добро бѣ ужь закололи вы его: Богъ съ нимъ, съ Алексѣемъ Иванычемъ; я и самъ до него не охотникъ. Ну, а если онъ васъ просверлитъ? На что это будетъ похоже? Кто будетъ въ дуракахъ, смѣю спросить?»

Разсужденія благоразумнаго поручика не поколебали меня. Я оспался при своемъ намѣреніи. «Какъ вамъ угодно»—сказалъ Иванъ Игнашъичъ; «дѣлайте, какъ разумѣете. Да за чѣмъ же мнѣ шупъ быть свидѣтелемъ? Къ какой спаши? Люди дерутся; что за невидальщина, смѣю спросить? Слава Богу, ходилъ я подъ Шведа и подъ Турку: всего насмотрѣлся.»

Я кое-какъ спалъ изъясняять ему должностъ секунданта, но Иванъ Игнашъичъ никакъ не могъ меня понять. «Воля ваша» —

сказаль онъ. «Коли ужь мнѣ и вмѣшашься въ эшо дѣло, такъ развѣ пойши къ Ивану Кузмичу да донеси ему по долгу службы, что въ фортеціи умышляешся злодѣйствіе противное казенному интересу: не благоугодно ли будетъ господину коменданшу приняшь надлежащія мѣры»....

Я испугался и спалъ просить Ивана Игнашьяча ничего не сказывашь коменданшу; насилу его уговорилъ; онъ далъ мнѣ слово, и я рѣшился отъ него опспупишьяся.

Вечеръ провель я, по обыкновенію своему, у коменданта. Я старался казашьяся веселымъ и равнодушнымъ, дабы не подашь ни какого подозрѣнія и избѣгнушь докучныхъ вопросовъ; но, признаюсь, я не имѣль того хладнокровія, кошорымъ хваляшьяся почти всегда шѣ, кошорые находились въ моемъ положеніи. Въ эшотъ вечеръ я расположенъ былъ къ нѣжностіи и къ умиленію. Марья Ивановна нравилась мнѣ болѣе обыкновеннаго. Мысль, что, можешъ бышь, вижу ее въ послѣдній разъ, придавала ей въ моихъ глазахъ что-то трогательное. Швабринъ явился шуть же. Я отвель его въ спорону, и

увѣдомилъ его о своемъ разговорѣ съ Иваномъ Игнапъичемъ. «Зачѣмъ намъ секунданты?» сказалъ онъ мнѣ сухо: «безъ нихъ обойдемся.» Мы условились драться за скирдами, что находились подлѣ крѣпоспи, и явились туда на другой день въ седьмомъ часу утра. Мы разговаривали, по видимому, такъ дружелюбно, что Иванъ Игнапъичъ отъ радости проболтался. «Давно бы такъ» — сказалъ онъ мнѣ съ довольнымъ видомъ; «худой миръ лучше доброй ссоры, а и не чешень такъ здоровъ.»

«Что, что Иванъ Игнапъичъ?» — сказала комендантша, кошорая въ углу гадала въ карты; «я не вслушалась.»

Иванъ Игнапъичъ, замѣшивъ во мнѣ знаки неудовольствія и вспомня свое обѣщаніе, смутился и не зналъ, что отвѣчать. Швабринъ подоспѣлъ къ нему на помощь.»

«Иванъ Игнапъичъ» — сказалъ онъ — «ободраешь нашу мировую.»

— А съ кѣмъ это, мой бапюшка, ты ссорился?

«Мы было поспорили довольно крупно съ Пешромъ Андрейчемъ.»

— За что шакъ?

«За сущую бездѣлицу: за пѣсенку, Василиса Егоровна.»

Нашли за что ссориться! за пѣсенку!.. да какъ же это случилось?

«Да вошь какъ: Пешръ Андрейчъ сочинилъ недавно пѣсню и сегодня запѣлъ ее при мнѣ, а я зашпануль мою любимую:

Капитанская дочь,

Не ходи гулять въ полночь.

Вышла разладица. Пешръ Андрейчъ было и разсердился; но пошомъ разсудилъ, что всякъ волень пѣшь, что кому угодно. Тѣмъ дѣло и кончилось.»

Безстыдство Швабрина чуть меня не взбѣсило; но никто, кромѣ меня, не понялъ грубыхъ его обиняковъ; по крайней мѣрѣ, никто не обратилъ на нихъ вниманія. Опъ пѣсенокъ разговоръ обратился къ стихотворцамъ, и комендантъ замѣшилъ, что всѣ они люди безпутные и горькіе пьяницы, и дружески совѣщоваль мнѣ оставишь стихо-

творство, какъ дѣло службъ прошивное и ни къ чему доброму не доводящее.

Присутствіе Швабрина было мнѣ несносно. Я скоро проснулся съ комендантомъ и съ его семействомъ; пришедъ домой, осмотрѣлъ свою шпагу, попробовалъ ея конецъ, и легъ спать, приказавъ Савельичу разбудить меня въ седьмомъ часу.

На другой день въ назначенное время я споялъ уже за скирдами, ожидая моего противника. Вскорѣ и онъ явился. «Насъ могушь заспать»— сказалъ онъ мнѣ; «надобно поспѣшишь.» Мы сняли мундиры, оспались въ однихъ камзолахъ и обнажили шпаги. Въ эту минуту изъ-за скирда вдругъ появился Иванъ Игнашъичъ и человекъ пяшь инвалидовъ. Онъ потребовалъ насъ къ коменданту. Мы повиновались съ досадою; солдаты насъ окружили, и мы опправились въ крепость вслѣдъ за Иваномъ Игнашъичемъ, который велъ насъ въ торжествѣ, шагая съ удивительной важностію.

Мы вошли въ комендантскій домъ. Иванъ Игнашъичъ опворилъ двери, прсвозгласивъ торжественно: «привель!» Насъ встрѣшила

Василиса Егоровна. «Ахъ, мои башюшки! На что это похоже? какъ? что? въ нашей крѣпости заводись смертоубійство! Иванъ Кузмичъ, сей часъ ихъ подь арестъ! Пепръ Андреичъ! Алексѣй Иванычъ! подавайте сюда ваши шпаги, подавайте, подавайте. Палашка, опнеси эти шпаги въ чуланъ. Пепръ Андреичъ! Этого я отъ тебя не ожидала. Какъ тебѣ не совѣстно? Добро Алексѣй Иванычъ: онъ за душегубство и изъ гвардіи выписанъ, онъ и въ Господа Бога не вѣруешь; а ты-то что? шуда же лѣзешь?»

Иванъ Кузмичъ вполне соглашался съ своею супругою и приговаривалъ: «А слышь ты, Василиса Егоровна правду говоришь. Поединки формально запрещены въ воинскомъ артикулѣ.» Между тѣмъ Палашка взяла у насъ наши шпаги и опнесла въ чуланъ. Я не могъ не засмѣяться. Швабринъ сохранилъ свою важность. «При всемъ моемъ уваженіи къ вамъ»—сказалъ онъ ей хладнокровно—«не могу не замѣтить, что напрасно вы изволите беспокоиться, подвергая насъ вашему суду. Предоставьте это Ивану Кузмичу: это его дѣло.»—Ахъ, мой башюшка! —возра-

зила коменданшша; — да развѣ мужъ и жена не единъ духъ и едина плоть? Иванъ Кузмичъ! Чтò ты зѣваешь? Сей часъ разсади ихъ по разнымъ угламъ на хлѣбъ да на воду, чтобъ у нихъ дурь-шо прошла; да пушь опець Герасимъ наложитъ на нихъ эпипемію, чтобъ молили у Бога прощенія, да каялись передъ людьми.

Иванъ Кузмичъ не зналъ, на что рѣшишься. Марья Ивановна была чрезвычайно блѣдна. Мало по малу буря утихла; коменданшша успокоилась и заставила насъ другъ друга поцѣловать. Палашка принесла намъ наши шпаги. Мы вышли опъ коменданша, по видимому, примиренные. Иванъ Игнашьичъ насъ сопровождалъ. — Какъ вамъ не спыдно было—сказалъ я ему сердшо—доноситъ на насъ коменданшу послѣ шого, какъ дали мнѣ слово шого не дѣлать? — «Какъ Богъ свяшь, я Ивану Кузмичу шого не говорилъ» — опвѣчалъ онъ; «Василиса Егоровна вывѣдала все опъ меня. Она всѣмъ и распорядилась безъ вѣдома коменданша. Впрочемъ, слава Богу, что все шакъ кончилось.» Съ эшимъ словомъ онъ повернулъ домой, а Швабринъ и

я оспались наединѣ. Наше дѣло эшимъ кончиться не можешь—сказалъ я ему. «Конечно»—опвѣчалъ Швабринъ; «вы своею кровью будете опвѣчать мнѣ за вашу дерзость; но за нами вѣроятно станушь присматривать. Нѣсколько дней намъ должно будешь припворяться. До свиданія!»—И мы распались, какъ ни въ чемъ не бывали.

Возвращаясь къ коменданшу, я, по обыкновению своему, подсѣлъ къ Марьѣ Ивановнѣ. Ивана Кузмича не было дома. Василиса Егоровна заняша была хозяйствомъ. Мы разговаривали въ полголоса. Марья Ивановна съ нѣжностью выговаривала мнѣ за безпокойство, причиненное всѣмъ моею ссорой съ Швабринымъ. «Я такъ и обмерла»—сказала она—«когда сказали намъ, что вы намѣрены биться на шпагахъ. Какъ мужчины спранны! За одно слово, о которомъ черезъ неделю вѣрно бѣ они позабыли, они готовы рѣзаться и жертвовать не только жизнью, но и совѣстью и благополучіемъ тѣхъ, которые... Но я увѣрена, что не вы зачинщикъ ссоры. Вѣрно виновать Алексѣй Ивановичъ.»

— А почему-же вы такъ думаете, Марья Ивановна ?

« Да такъ . . . онъ такой насмѣшникъ ! Я не люблю Алексѣя Иваныча. Онъ очень мнѣ противенъ ; а странно : ни за что бъ я не хопѣла , чшобъ и я ему также не нравилась. Это меня беспокоило бы страхъ. »

— А какъ вы думаете , Марья Ивановна ? Нравитесь ли вы ему , или нѣтъ ?

Марья Ивановна заикнулась и покраснѣла. « Мнѣ кажется » — сказала она , « я думаю чшо нравлюсь. »

— Почему же вамъ такъ кажется ?

« Потому чшо онъ за меня свапался. »

— Свапался ! Онъ за васъ свапался ? Когда же ?

« Въ прошломъ году. Мѣсяца два до вашего прїѣзда. »

— И вы не пошли ?

« Какъ изволише видѣшь. Алексѣй Иванычъ конечно человекъ умный , и хорошей фамиліи , и имѣетъ состояніе ; но какъ подумаю , чшо надобно будетъ подъ вѣнцомъ при всѣхъ съ нимъ поцѣловаться Ни за что ! ни за какія благополучія ! »

Слова Марьи Ивановны открыли мнѣ глаза и объяснили мнѣ многое. Я понялъ упорное злорѣчїе, которымъ Швабринъ ее преслѣдовалъ. Вѣроятно, замѣчалъ онъ нашу взаимную склонность и старался отвлечь насъ другъ отъ друга. Слова, подавшія поводъ къ нашей ссорѣ, показались мнѣ еще болѣе гнусными, когда, вмѣсто грубой и непристойной насмѣшки, увидѣлъ я въ нихъ обдуманную клевету. Желаніе наказать дерзкаго злоязычника сдѣлалось во мнѣ еще сильнѣе, и я съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать удобнаго случая.

Я дожидался не долго. На другой день, когда сидѣлъ я за элегїей и грызъ перо въ ожиданіи риѣмы, Швабринъ постучался подъ моимъ окошкомъ. Я оставилъ перо, взялъ шпагу и къ нему вышелъ. «Зачѣмъ опкладывать?» — сказалъ мнѣ Швабринъ; «за нами не смопрятъ. Сойдемъ къ рѣкѣ. Тамъ никто намъ не помѣшаетъ.» Мы отправились, молча. Спустился по крупной тропинкѣ, мы остановились у самой рѣки и обнажили шпаги. Швабринъ былъ искуснѣе меня, но я сильнѣе и смѣлѣе, и *monsieur* Бопре,

бывшій нѣкогда солдашомъ, далъ мнѣ нѣ-
сколько уроковъ въ фехтованіи, копорыми
я и воспользовался. Швабринъ не ожидалъ
найти во мнѣ столь опаснаго прошивника.
Долго мы не могли сдѣлать другъ другу ни
какого вреда; наконецъ, примѣтя, что Шва-
бринъ ослабѣваетъ, я спалъ съ живостію
на него насупаешь и загналъ его почти въ
самую рѣку. Вдругъ услышалъ я свое имя,
громко произнесенное. Я оглянулся, и уви-
дѣлъ Савельича, сбѣгающаго ко мнѣ по на-
горной пропинкѣ Въ это самое время
меня сильно кольнуло въ грудь пониже пра-
ваго плеча; я упалъ и лишился чувствъ.

ГЛАВА III.

ЛЮБОВЬ.

Ахъ ты дѣвка, дѣвка красная!
Не ходи, дѣвка, молода замужъ;
Ты спроси, дѣвка, отца, матери,
Отца, матери, роду племени;
Накопи, дѣвка, ума-разума,
Ума-разума, приданова.

Пѣсня народная.

Буде лучше меня найдешь, позабудешь,
Если хуже меня найдешь, вспомянешь.

То же.

Очнувшись, я нѣсколько времени не могъ опомниться и не понималъ, что со мною сдѣлалось. Я лежалъ на кровати, въ незна-

комой горницѣ, и чувствовала большую слабость. Передо мною стоялъ Савельичъ со свѣчкою въ рукахъ. Кто-то бережно развивалъ перевязи, которыми грудь и плечо были у меня спянушы. Мало по малу мысли мои прояснились. Я вспомнилъ свой поединокъ, и догадался, что былъ раненъ. Въ эту минуту скрипнула дверь. «Что? каковъ?» — произнесъ по шепту голосъ, отъ котораго я запрепешалъ. — Все въ одномъ положеніи, — отвѣчалъ Савельичъ со вздохомъ; — все безъ памяти, вотъ уже пятыя сутки. Я хотѣлъ оборотиться, но не могъ. Гдѣ я? кто здѣсь? сказалъ я съ усиленіемъ. Марья Ивановна подошла къ моей кровати и наклонилась ко мнѣ. «Что? какъ вы себя чувствуете?» сказала она. Слава Богу — отвѣчалъ я слабымъ голосомъ. Это вы, Марья Ивановна? Скажите мнѣ... я не въ силахъ былъ продолжать, и замолчалъ. Савельичъ ахнулъ. Радость изобразилась на его лицѣ. «Опомнися! опомнися!» — повторялъ онъ. «Слава тебѣ, Владыко! Ну, батюшка Петръ Андреичъ! напугалъ ты меня! легко ли? пятыя сутки!»... Марья Ивановна пере-

рвала его рѣчь. « Не говори съ нимъ много, Савельичъ » — сказала она. Онъ еще слабъ. Она вышла и пихонько припворила дверь. Мысли мои волновались. И такъ я былъ въ домѣ коменданта, Марья Ивановна входила ко мнѣ. Я хотѣлъ сдѣлать Савельичу нѣкоторые вопросы, но спарикъ замоталъ головою и зашкнулъ себѣ уши. Я съ досадою закрылъ глаза и вскорѣ забылся сномъ.

Проснувшись, подозвалъ я Савельича, и вмѣсто его увидѣлъ передъ собою Марью Ивановну; ангельскій голосъ ея меня привѣщивалъ. Не могу выразить сладостнаго чувства, овладѣвшаго мною въ эту минуту. Я схватилъ ея руку и прильнулъ къ ней, обливая слезами умиленія. Маша не опрыгивала ея. . . . и вдругъ ея губки коснулись моей щеки, и я почувствовалъ ихъ жаркій и свѣжій поцѣлуй. Огонь пробѣжалъ по мнѣ. Милая, добрая Марья Ивановна — сказалъ я ей — будь моею женою, согласись на мое счастье. — Она опомнилась. « Ради Бога успокойтесь » — сказала она, отнявъ у меня свою руку. « Вы еще въ опасности: рана можетъ открыться. Поберегите себя хоть

для меня. Съ эшимъ словомъ она ушла, оставя меня въ упоеніи восторга. Счастіе воскресило меня. Она будетъ моя! она меня любитъ! Эта мысль наполняла все мое существованіе.

Съ той поры мнѣ часъ отъ часу становилось лучше. Меня лечилъ полковой цырюльникъ, ибо въ крѣпости другаго лекаря не было, и, слава Богу, не умничалъ. Молодость и природа ускорили мое выздоровленіе. Все семейство коменданта за мною ухаживало. Марья Ивановна отъ меня не отходила. Разумѣется, при первомъ удобномъ случаѣ я принялся за прерванное объясненіе, и Марья Ивановна выслушала меня терпѣливѣе. Она безо всякаго жеманства призналась мнѣ въ сердечной склонности и сказала, что ея родители конечно рады будущьей ея счастію. « Но подумай хорошенько » — прибавила она; « со стороны твоихъ родныхъ не будетъ ли препятствія? »

Я задумался. Въ нѣжности мапушкиной я не сомнѣвался; но, зная нравъ и образъ мыслей отца, я чувствовалъ, что любовь моя не слишкомъ его пронетъ, и что онъ

будешь на нее смотрѣшь, какъ на блажь молодого челоуѣка. Я чистосердечно признался въ шомъ Марьѣ Ивановнѣ, и рѣшился однако писашь къ бапюшкѣ какъ можно краснорѣчивѣе, прося родительскаго благословенія. Я показаль письмо Марьѣ Ивановнѣ, кошорая нашла его споль убѣдительнымъ и прогашельнымъ, что не сомнѣвалась въ успѣхѣ его, и предалась чувствамъ нѣжнаго своего сердца со всею довѣрчивостію молодости и любви.

Съ Швабринымъ я помирился въ первые дни моего выздоровленія. Иванъ Кузмичъ, выговаривая мнѣ за поединокъ, сказалъ мнѣ: Эхъ, Пётръ Андреичъ! надлежало бы мнѣ посадить тебя подъ арестъ, да ты ужъ и безъ того наказанъ. А Алексѣй Ивановичъ у меня шаки сидитъ въ хлѣбномъ магазинѣ подъ карауломъ, и шпага его подъ замкомъ у Василисы Егоровны. Пускай онъ себѣ надумается, да раскается.» — Я слишкомъ былъ счастливъ, чтооь хранишь въ сердцѣ чувство неприязненное. Я спаль просить за Швабрина, и добрый комендантъ, съ согласія своей супруги, рѣшился его освобо-

дись. Швабринъ пришелъ ко мнѣ; онъ изъ-явилъ глубокое сожалѣніе о томъ, что случилось между нами; признался, что былъ кругомъ виноватъ, и просилъ меня забыть о прошедшемъ. Будучи отъ природы незлопамятенъ, я искренно простилъ ему и нашу ссору и рану, мною отъ него полученную. Въ клеветѣ его видѣлъ я досаду оскорбленнаго самолюбія и отвергнутой любви, и великодушно извинялъ своего несчастнаго соперника.

Вскорѣ я выздоровѣлъ, и могъ перебраться на мою квартиру. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я отвѣта на посланное письмо, не смѣя надѣяться, и спараясь заглушить печальныя предчувствія. Съ Василисой Егоровной и съ ея мужемъ я еще не объяснился; но предложеніе мое не должно было ихъ удивить. Ни я, ни Марья Ивановна не спарались скрывать отъ нихъ свои чувства, и мы заранѣе были ужъ увѣрены въ ихъ согласіи.

Наконецъ, однажды упромъ, Савельичъ вошелъ ко мнѣ, держа въ рукахъ письмо. Я схватилъ его съ прелетомъ. Адресъ былъ

написанъ рукою бапюшки. Эшо приугошвило меня къ чему-то важному, ибо обыкновенно письма писала ко мнѣ мапушка, а онъ въ концѣ приписывалъ нѣсколько строкъ. Долго не распечатывалъ я пакета и перечишывалъ торжественную надпись: «Сыну моему Петру Андреевичу Гриневу, въ Оренбургскую Губернію въ Бѣлогорскую крѣпость.» Я старался по почерку угадать расположеніе духа, въ кошоромъ писано было письмо; наконецъ рѣшился его распечатать, и съ первыхъ строкъ увидѣлъ, что все дѣло пошло къ чорту. Содержаніе письма было слѣдующее :

« Сынъ мой Пепръ! Письмо швое, въ кошоромъ просишь ны насъ о родительскомъ нашемъ благословеніи и согласіи на бракъ съ Марьей Ивановой дочерью Мироновой, мы получили 15 сего мѣсяца, и не только ни моего благословенія, ни моего согласія дашь я тебѣ не намѣренъ, но еще и собираюсь до тебѣ добрашься, да за проказы швои проучишь тебѣ пупемъ, какъ мальчишку, не смотря на твоя офицерскій чинъ: ибо ны доказалъ, что шпагу носить еще недо-

сшюинь, которая пожалована тебѣ на за-
щипу опечества, а не для дуелей съ та-
кими же сорванцами, каковъ ты самъ. Не-
медленно буду писать къ Андрею Карлови-
чу, прося его перевести тебя изъ Бѣлогор-
ской крѣпости куда нибудь подальше, гдѣ
бы дурь у тебя прошла. Матушка твоя,
узнавъ о твоемъ поединкѣ и о томъ, что
ты раненъ, съ горести занемогла и теперъ
лежишь. Чтѣ изъ тебя будешь? Молю Бога,
чтобъ ты исправился, хоть и не смѣю на-
дѣяться на Его великую милость.

Отецъ твой А. Г. »

Чтеніе сего письма возбудило во мнѣ раз-
ныя чувствованія. Жестокія выраженія, на
кошорья батюшка не поскупился, глубоко
оскорбили меня. Пренебреженіе, съ какимъ
онъ упоминалъ о Марьѣ Ивановнѣ, казалось
мнѣ споль же непристойнымъ, какъ и не-
справедливымъ. Мысль о переведеніи моемъ
изъ Бѣлогорской крѣпости меня ужасала, но
всего болѣе огорчило меня извѣстіе о болѣзни
матери. Я негодовалъ на Савельича, не сомнѣ-

ваясь, что поединок мой спалъ извѣстенъ родителямъ черезъ него. Шагая назадъ и впередъ по тѣсной моей комнатѣ, я остановился передъ нимъ и сказалъ, взглянувъ на него грозно: Видно тебѣ не довольно, что я, благодаря тебѣ, раненъ и цѣлый мѣсяцъ былъ на краю гроба; ты и мать мою хочешь уморить. Савельичъ былъ пораженъ какъ громомъ. « Помилуй, сударь » — сказалъ онъ, чуть не зарыдавъ, — « что это изволишь говорить? Я причина, что ты былъ раненъ! Богъ видишь, бѣжалъ я заслонивъ тебя своею грудью отъ шпаги Алексѣя Ивановича! Старость проклятая помѣшала. Да что жъ я сдѣлалъ мапушкѣ-то твоей? » — Что ты сдѣлалъ? — отвѣчалъ я. Кто просилъ тебя писать на меня доносы? развѣ ты приспавленъ ко мнѣ въ шпионы? — « Я? писалъ на тебя доносы? » — отвѣчалъ Савельичъ со слезами. « Господи Царю Небесный! Такъ изволь-ка прочитай, что пишешь ко мнѣ баринъ: увидишь, какъ я доносилъ на тебя. » Тутъ онъ вынулъ изъ кармана письмо и я прочелъ слѣдующее:

« Стыдно тебѣ, старый песъ, что ты,

не взирая на мои строгія приказанія, мнѣ не донесъ о сынѣ моемъ Пётрѣ Андреевичѣ, и что посторонніе принуждены увѣдомлять меня о его проказахъ. Такъ ли исполняешь ты свою должность и господскую волю? Я тебя, стараго пса, пошлю свиней пасти за ушайку. Съ полученіемъ сего, приказываю тебѣ немедленно отписать ко мнѣ, каково теперь его здоровье, о которомъ пишушь мнѣ, что поправилось; да въ какое именно мѣсто онъ раненъ и хорошо ли его залечили.»

Очевидно было, что Савельичъ передо мною былъ правъ, и что я напрасно оскорбилъ его упрекомъ и подозрѣніемъ. Я просилъ у него прощенія; но старикъ былъ неутѣшенъ. «Вотъ до чего я дожилъ» — повторялъ онъ; «вотъ какихъ милостей дослужился отъ своихъ господъ! Я и старый песь, и свинопасъ. да я жъ и причина твоей раны? Нѣтъ, батюшка Пётрѣ Андреевичъ! не я, проклятый мусье всему виноватъ: онъ научилъ тебя тыкаться желѣзными вершеломи, да прищипывать, какъ будто тыканіемъ да щипаніемъ удержишься отъ

злаго человека! Нужно было нанимать мусье, да тратить лишніа деньги!»

Но кто же бралъ на себя трудъ уведомить отца моего о моемъ поведеніи? Генераль? Но онъ, казалось, обо мнѣ не слишкомъ заботился, а Иванъ Кузмичъ не почелъ за нужное рапортовать о моемъ поединкѣ. Я терялся въ догадкахъ. Подозрѣнія мои остановились на Швабринѣ. Онъ одинъ имѣлъ выгоду въ доносѣ, коего слѣдствіемъ могло быть удаленіе мое изъ крѣпости и разрывъ съ комендантскимъ семействомъ. Я пошелъ объявить обо всемъ Марьѣ Ивановнѣ. Она встрѣтила меня на крыльцѣ. «Что́ это съ вами случилось?» — сказала она, увидѣвъ меня. «Какъ вы блѣдны!» — Все кончено! — отвѣчалъ я, и опдалъ ей бапюшкино письмо. Она поблѣднѣла въ свою очередь. Прочитавъ, она возвратила мнѣ письмо дрожащею рукою и сказала дрожащимъ голосомъ: «Видно мнѣ не судьба Родные ваши не хотятъ меня въ свою семью. Буди во всемъ воля Господня! Богъ лучше нашего знаетъ, что намъ надобно. Дѣласть нечего, Петръ Андреичъ; будьте хоть вы счастливы . . .

Этому не бывать! — вскричалъ я, схвативъ ее за руку; ты меня любишь; я готовъ на все. Пойдемъ, кинемся въ ноги къ твоимъ родителямъ; они люди простые, не жестокосердые гордецы. . . . Они насъ благословятъ; мы обвиняемся. . . а тамъ, со временемъ, я увѣренъ, мы умолимъ отца моего; матушка будетъ за насъ; онъ меня простишь. . . « Нѣтъ, Петръ Андреичъ » — отвѣчала Маша — « я не выйду за тебя безъ благословенія твоихъ родителей. Безъ ихъ благословенія не будетъ тебѣ счастья. Покоримся волю Божіей. Коли найдешь себѣ суженую, коли полюбишь другую — Богъ съ тобою, Петръ Андреичъ; а я за васъ обоихъ » Тутъ она заплакала и ушла отъ меня; я хотѣлъ было войти за нею въ комнату, но чувствовалъ, что былъ не въ состояніи владѣть самимъ собою и воропился домой.

Я сидѣлъ погруженный въ глубокую задумчивость, какъ вдругъ Савельичъ прервалъ мои размышленія. « Вотъ, сударь » — сказалъ онъ, подавая мнѣ исписанный листъ бумаги; — « посмотри, доносчикъ ли я на

своего барина, и стараюсь ли я помутить сына съ отцемъ.» Я взялъ изъ рукъ его бумагу: это былъ отвѣтъ Савельича на полученное имъ письмо. Вотъ онъ, отъ слова до слова:

«Государь Андрей Петровичъ, отецъ нашъ милостивый!

«Милостивое писаніе ваше я получилъ, въ которомъ изволишь гнѣваться на меня, раба вашего, что де стыдно мнѣ не исполнять господскихъ приказаній; — а я, не старый песь, а вѣрный вашъ слуга, господскихъ приказаній слушаюсь и усердно вамъ всегда служилъ и дожилъ до сѣдыхъ волосъ. Я жь про рану Петра Андреича ничего къ вамъ не писалъ, чтобъ не испужать понапрасну, и, слышно, барыня, мать наша Авдопья Васильевна, и такъ съ испугу слегла, и за ея здоровье Бога буду молить. А Пепръ Андреичъ ранень былъ подь правое плечо, въ грудь, подь самую косточку, въ глубину на полтора вершка, и лежалъ онъ въ домъ у коменданта, куда принесли мы его съ берега, и лечилъ его здѣшній цырюльникъ Степанъ Парамоновъ; и теперь Пепръ Андре —

ичь, слава Богу здоровъ, и про него кромѣ хорошаго нечего и писать. Командиры, слышно, имъ довольны; а у Василисы Егоровны онъ какъ родной сынъ. А что съ нимъ случилась такая оказія, то былъ молодцу не укора: конь и о четырехъ ногахъ да спотыкается. И изволите вы писать, что сошлете меня свиней паспи, и на то ваша боярская воля. За симъ кланяюсь рабски.

Вѣрный холопъ вашъ

Архипъ Савельевъ.»

Я не могъ нѣсколько разъ не улыбнуться, читая грамоту добраго старика. Отвѣчать бабюшкѣ я былъ не въ состояніи, а чтобъ успокоить мамушку, письмо Савельича мнѣ показалось достапочнымъ.

Съ той поры положеніе мое перемѣнилось. Марья Ивановна почти со мною не говорила, и всячески старалась избѣгать меня. Домъ коменданта спалъ для меня постыль. Мало по малу пріучился я сидѣть одинъ у себя дома. Василиса Егоровна сначала за то мнѣ пеняла; но видя мое упрямство, оста-

вила меня въ покоѣ. Съ Иваномъ Кузмичемъ видѣлся я только, когда того требовала служба. Съ Швабринымъ встрѣчался рѣдко и неохотно, тѣмъ болѣе, что замѣчалъ въ немъ скрытую къ себѣ неприязнь, что и утверждало меня въ моихъ подозрѣніяхъ. Жизнь моя сдѣлалась мнѣ несносна. Я впалъ въ мрачную задумчивость, которую питали одиночество и бездѣйствіе. Любовь моя разгаралась въ уединеніи и часъ отъ часу становилась мнѣ тягостнѣе. Я потерялъ охоту къ чтенію и словесности. Духъ мой упалъ. Я боялся или сойти съ ума или удариться въ распутство. Неожиданныя происшествія, имѣвшія важное вліяніе на всю мою жизнь, дали вдругъ моей душѣ сильное и благое потрясеніе.

ГЛАВА VI.

ПУГАЧЕВЩИНА.

Вы, молодые ребята, послушайте,
Что мы, старые старики, будемъ сказывать.

Пѣсня.

Прежде, нежели приступлю къ описанію странныхъ происшествій, коимъ я былъ свидѣтель, я долженъ сказать нѣсколько словъ о положеніи, въ которомъ находилась Оренбургская Губернія въ концѣ 1773 года.

Сія обширная и богатая губернія обитаема была множествомъ полудикихъ народовъ,

признавшихъ еще недавно владычество Россійскихъ Государей. Ихъ поминутныя возмущенія, непривычка къ законамъ и гражданской жизни, легкомысліе и жестокость требовали со стороны правительства непрестаннаго надзора для удержанія ихъ въ повиновеніи. Крѣпости выстроены были въ мѣстахъ, признанныхъ удобными, и заселены по большей части казаками, давнишними обладателями Яицкихъ береговъ. Но Яицкіе казаки, долженствовавшіе охранять спокойствіе и безопасность сего края, съ нѣкотораго времени были сами для правительства беспокойными и опасными подданными. Въ 1772 году произошло возмущеніе въ ихъ главномъ городкѣ. Причиною тому были спорогія мѣры, предпріятыя генераль-маіоромъ Траубенбергомъ, дабы привести войско къ должному повиновенію. Слѣдствіемъ было варварское убіеніе Траубенберга, своевольная перемѣна въ управленіи, и наконецъ усмиреніе бунта карпечью и жестокими наказаніями.

Это случилось нѣсколько времени передъ прибытіемъ моимъ въ Бѣлогорскую крѣпость.

Все было уже тихо, или казалось таковымъ; начальство слишкомъ легко повѣрило мнимому раскаянію лукавыхъ мяпежниковъ, которые злобствовали впайнѣ и выжидали удобнаго случая для возобновленія безпорядковъ.

Обращаюсь къ своему разсказу.

Однажды вечеромъ (это было въ началѣ Октября 1773 года) сидѣлъ я дома одинъ, слушая вой осенняго вѣтра, и смотря въ окно на пучи, бѣгуція мимо луны. Пришли меня звать опть имени коменданта. Я поспѣхъ отправился. У коменданта нашель я Швабрина, Ивана Игнапьяча и казацкаго урядника. Въ комнапѣ не было ни Василисы Егоровны, ни Марьи Ивановны. Коменданпѣ со мною поздоровался съ видомъ озабоченнымъ. Онъ заперъ двери, всѣхъ усадиль, кромѣ урядника, который спояль у дверей, вынулъ изъ кармана бумагу и сказалъ намъ: «Господа офицеры, важная новость! Слушайте, что пишеть генераль.» Тутъ онъ надѣлъ очки и прочель слѣдующее:

« Господину коменданту Бѣлогорской крѣ-
пости, капитану Миронову.

« По секрету.

« Симъ извѣщаю васъ, что убѣжавшій изъ
подъ караула Донской казакъ и раскольникъ
Емельянъ Пугачевъ, учиня непроспипельную
дерзость принятіемъ на себя имени покой-
наго Императора Петра III, собралъ зло-
дѣйскую шайку, произвелъ возмущеніе въ
Яицкихъ селеніяхъ, и уже взялъ и разорилъ
нѣсколько крѣпостей, производя вездѣ гра-
бежи и смертныя убійства. Того ради, съ
полученіемъ сего, имѣете вы, господинъ
капитанъ, немедленно принять надлежащія
мѣры къ отраженію помянутаго злодѣя и
самозванца, а буде можно и къ совершенно-
му уничтоженію онаго, если онъ обратит-
ся на крѣпость, ввѣренную вашему попе-
ченію. »

« Принять надлежащія мѣры! » — сказалъ
комендантъ, снимая очки и складывая бу-
магу. « Слышь ты, легко сказать. Злодѣй-то
видно силенъ; а у насъ всего сто тридцать
человѣкъ, не считая казаковъ, на которыхъ

плоха надежда, не въ укоръ буди тебѣ сказано, Максимычъ. (Урядникъ усмѣхнулся.) Однако дѣлать нечего, господа офицеры! Будьте исправны, учредите караулы да ночные дозоры; въ случаѣ нападенія запирайте ворота, да выводите солдатъ. Ты, Максимычъ, смотри крѣпко за своими казаками. Пушку осмотришь, да хорошенько вычистишь. А пуще всего содержите все это въ тайнѣ, чпобъ въ крѣпости никто не могъ о томъ узнать преждевременно.»

Раздавъ сіи повелѣнія, Иванъ Кузмичъ насъ выпустилъ. Я вышелъ вмѣстѣ съ Швабринымъ, рассуждая о томъ, что мы слышали. Какъ ты думаешь, чѣмъ это кончится?—спросилъ я его. «Богъ знаетъ» — отвѣчалъ онъ; «посмотримъ. Важнаго покамѣсть еще ничего не вижу. Если же»... Тутъ онъ задумался и въ разсвѣніи спалъ насвистывая Французскую арію.

Не смотря на всѣ наши предосторожности, вѣсть о появленіи Пугачева разнеслась по крѣпости. Иванъ Кузмичъ, хотъ и очень уважалъ свою супругу, но ни за что на свѣтѣ не открылъ бы ей тайны, ввѣренной

ему по службѣ. Получивъ письмо отъ генерала, онъ довольно искуснымъ образомъ выпроводилъ Василису Егоровну, сказавъ ей, будто бы отецъ Герасимъ получилъ изъ Оренбурга какія-то чудныя извѣстія, которыя содержитъ въ великой тайнѣ. Василиса Егоровна тотчасъ захопѣла отправиться въ гости къ попадѣ, и, по совѣту Ивана Кузмича, взяла съ собою и Машу, чтобъ ей не было скучно одной.

Иванъ Кузмичъ, оставшись полнымъ хозяиномъ, тотчасъ послалъ за нами, а Палашку заперъ въ чуланъ, чтобъ она не могла насъ подслушать.

Василиса Егоровна возвратилась домой, не успѣвъ ничего вывѣдать отъ попады, и узнала, что во время ея отсутствія было у Ивана Кузмича совѣщаніе, и что Палашка была подъ замкомъ. Она догадалась, что была обманута мужемъ, и приступила къ нему съ допросомъ. Но Иванъ Кузмичъ приговорился къ нападенію. Онъ ни мало не смутился и бодро отвѣчалъ своей любопытной сожигельницѣ: «А слышь ты, матушка, бабы наши вздумали печи топить со-

лomoю; а какъ опъ того можетъ произойти несчастіе, то я и отдалъ строгій приказъ впредь соломою бабамъ печей не попишь, а попишь хворостомъ и валежникомъ.» — А для чего жъ было тебѣ запирашь Палашку? — спросила комендантша. — За что бѣдная дѣвка просидѣла въ чуланѣ, пока мы не воропились? — Иванъ Кузмичъ не былъ приготоовленъ къ таковому вопросу; онъ запутался и пробормоталъ что-то очень нескладное. Василиса Егоровна увидѣла коварство своего мужа; но зная, что ничего опъ него не добьется, прекратила свои вопросы и завела рѣчь о соленыхъ огурцахъ, которые Акулина Памфиловна приготоовляла совершенно особеннымъ образомъ. Во всю ночь Василиса Егоровна не могла заснуть, и никакъ не могла догадаться, что бы такое было въ головѣ ея мужа, о чемъ бы ей нельзя было знать.

На другой день, возвращаясь опъ обѣдни, она увидѣла Ивана Игнапъича, который вытаскивалъ изъ пушки тряпички, камешки, щепки, бабки и соръ всякаго рода, закиханый въ нее ребятишками. «Что бы значили

эти военныя приготовленія?» — думала комендантша; «ужь не ждушь ли нападенія опъ Киргизцевъ? Но неужто Иванъ Кузмичь спалъ бы опъ меня тайшь такіе пустяки?» Она кликнула Ивана Игнапъича, съ твѣрымъ намѣреніемъ вывѣдать опъ него тайну, копорая мучила ея дамское любопытство.

Василиса Егоровна сдѣлала ему нѣсколько замѣчаній касательно хозяйства, какъ судья, начинающій слѣдствіе вопросами посторонними, дабы сперва усыпить оспорожность опвѣтчика. Потомъ, помолчавъ нѣсколько минутъ, она глубоко вздохнула и сказала качая головою: «Господи Боже мой! Вишь какія новости! Что изъ этого будетъ?»

— И, мапушка! — опвѣчалъ Иванъ Игнапъичь. Богъ милоспивъ: солдапъ у насъ довольно, пороху много, пушку я вычиспиль. Авось дадимъ оппоръ Пугачеву. Господь не выдастъ, свинья не съѣстъ!

«А что за человекъ этошь Пугачевъ?» — спросила комендантша.

Тутъ Иванъ Игнапъичь замѣспиль, что проговорился, и закуспиль языкъ. Но уже

было поздно. Василиса Егоровна принудила его во всемъ признаться, давъ ему слово не рассказывать о томъ никому.

Василиса Егоровна сдержала свое обѣщаніе и никому не сказала ни одного слова, кромѣ какъ попадѣть, и то потому только, что корова ея ходила еще въ степи и могла быть захвачена злодѣями.

Вскорѣ всѣ заговорили о Пугачевѣ. Толки были различны. Комендантъ послалъ урядника съ порученіемъ развѣдать хорошенько обо всемъ по сосѣднимъ селеніямъ и крѣпостямъ. Урядникъ возвратился черезъ два дня и объявилъ, что въ степи верстъ за шестидесять отъ крѣпости видѣлъ онъ множество огней и слышалъ отъ Башкирцевъ, что идетъ невѣдомая сила. Впрочемъ не могъ онъ сказать ничего положительнаго, потому что ѣхать далѣе побоялся.

Въ крѣпости между казаками замѣтно стало необыкновенное волненіе; во всѣхъ улицахъ они толпились въ кучки, тихо разговаривали между собою, и расходились, увидя драгуна или гарнизоннаго солдата. Подсланы были къ нимъ лазутчики. Юлай, креще-

ный Калмыкъ, сдѣлалъ коменданту важное донесеніе. Показанія урядника, по словамъ Юлая, были ложны; по возвращеніи своемъ, лукавый казакъ объявилъ своимъ поварищамъ, что онъ былъ у бунповщиковъ, представлялся самому ихъ предводителю, который допустилъ его къ своей рукѣ и долго съ нимъ разговаривалъ. Комендантъ немедленно посадилъ урядника подъ карауль, а Юлая назначилъ на его мѣсто. Эта новость принята была казаками съ явнымъ неудовольствиемъ. Они громко роптали, и Иванъ Игнапъичъ, исполнитель комендантскаго распоряженія, слышалъ своими ушами, какъ они говорили: «Вопъ ужо тебѣ будешъ, гарнизонная крыса!» Комендантъ думалъ въ тотъ же день допросить своего арестанта; но урядникъ бѣжалъ изъ подъ-караула, вѣроятно, при помощи своихъ единомышленниковъ.

Новое обстоятельство усилило безпокойство коменданта. Схваченъ былъ Башкирецъ съ возмутительными листами. По сему случаю комендантъ думалъ опять собрать своихъ офицеровъ, и для того хотѣлъ опять

удалить Василису Егоровну подь благовиднымъ предлогомъ. Но какъ Иванъ Кузмичъ былъ человекъ самый прямодушный и правдивый, то и не нашель другаго способа, кромѣ какъ единожды уже имъ употребленнаго.

« Слышь ты, Василиса Егоровна » — сказалъ онъ ей, покашливая. « Опець Герасимъ получилъ, говорятъ, изъ города »... — Полно врать, Иванъ Кузмичъ, — перервала комендантша; ты, знашь, хочешь собрать совѣщаніе, да безъ меня пополковать объ Емельянѣ Пугачевѣ; да лихъ не проведешь.» Иванъ Кузмичъ выпаращилъ глаза. « Ну, ма-пушка » — сказалъ онъ: — « коли ты уже все знаешь, такъ пожалуй оставайся; мы пополкуемъ и при тебѣ. » — То-то, бапка мой, — отвѣчала она; не тебѣ бы хитрить; посылай-ка за офицерами.

Мы собрались опять. Иванъ Кузмичъ, въ присутствіи жены, прочель намъ воззваніе Пугачева, писанное какимъ нибудь полуграмотнымъ казакомъ. Разбойникъ объявляль о своемъ намѣреніи немедленно идти на нашу крѣпость; приглашалъ казаковъ и солдатъ

въ свою шайку, а командировъ увѣщевалъ не сопровивляясь, угрожая казнію въ противномъ случаѣ. Воззваніе написано было въ грубыхъ, но сильныхъ выраженіяхъ, и должно было произвести опасное впечатлѣніе на умы простыхъ людей.

« Каковъ мошенникъ ! » — воскликнула комендантша. « Что смѣетъ еще намъ предлагать! Выйди къ нему на встрѣчу и положишь къ ногамъ его знамена! Ахъ онъ собачій сынъ! Да развѣ не знаетъ онъ, что мы уже сорокъ лѣтъ въ службѣ, и всего, слава Богу, насмотрѣлись? Неужто нашлись такіе командиры, которые послушались разбойника? »

— Кажется, не должно бы — отвѣчалъ Иванъ Кузмичъ. А слышно, злодѣй завладѣлъ ужъ многими крѣпостями.

« Видно онъ въ самомъ дѣлѣ силенъ » — замѣпилъ Швабринъ.

— А вотъ сейчасъ узнаемъ настоящую его силу — сказалъ комендантъ. — Василиса Егоровна, дай мнѣ ключъ отъ анбара. Иванъ Игнапъичъ, приведи-ка Башкирца, да прикажи Юлаю принести сюда плетей.

« Постой, Иванъ Кузмичъ » — сказала комендантша, вставая съ мѣста. « Дай уведу Машу куда нибудь изъ дому, а по услышишь крикъ, перепугается. Да и я правду сказать, не охотница до розыска. Счастливо оставаться! »

Пытка встарину такъ была укоренена въ обычаяхъ судопроизводства, что благодушельный указъ, уничтожившій оную, долго оставался безо всякаго дѣйствія. Думали что собственное признаніе преступника необходимо было для его полнаго обличенія, — мысль не только неосновательная, но даже и совершенно пропивная здравому юридическому смыслу: ибо, если отрицаніе подсудимаго не приѣмлется въ доказательство его невинности, то признаніе его и того менѣе должно быть доказательствомъ его виновности. Даже и нынѣ случается мнѣ слышать старыхъ судей, жалѣющихъ объ уничтоженіи варварскаго обычая. Въ наше же время никто не сомнѣвался въ необходимости пытки, ни судьи, ни подсудимые. И такъ приказаніе коменданта никого изъ насъ не удивило и не встревожило. Иванъ Игнапъичъ отправился за Башкирцемъ, который сидѣлъ въ анбарѣ подъ ключемъ у

комендантши, и чрезъ нѣсколько минутъ невольника привели въ переднюю. Комендантъ велѣлъ его къ себѣ представить.

Башкирецъ съ трудомъ шагнулъ черезъ порогъ (онъ былъ въ колодкѣ), и, снявъ высокую свою шапку, остановился у дверей. Я взглянулъ на него и содрогнулся. Никогда не забуду этого челоуѣка. Ему казалось лѣтъ за семьдесятъ. У него не было ни носа, ни ушей. Голова его была выбрита; вмѣсто бороды торчало нѣсколько сѣдыхъ волосъ; онъ былъ малаго росту, щощь и сгорбленъ; но узенькіе глаза его сверкали еще огнемъ. «Эхе!» сказалъ комендантъ, узнавъ, по спрашнымъ его примѣтамъ, одного изъ бунповщиковъ, наказанныхъ въ 1741 году. «Да ты видно старый волкъ, побывалъ въ нашихъ капканахъ. Ты знаешь не въ первой уже бунпуешь, коли у тебя такъ гладко выспрогана башка. Подойди-ка поближе; говори, кто тебя послалъ?»

Старый Башкирецъ молчалъ и глядѣлъ на коменданта съ видомъ совершеннаго безсмыслия. «Что же ты молчишь?» продолжалъ Иванъ Кузмичъ; «али бельмеса по-Русски не

разумѣешь? Юлай, спреси-ка у него по вашему, кто его подослалъ въ нашу крѣпость?»

Юлай повторишь на Татарскомъ языкѣ вопросъ Ивана Кузьмича. Но Башкирецъ глядѣль на него съ тѣмъ же выраженіемъ и не отвѣчалъ ни слова.

«Якши» сказалъ комендантъ; «ты у меня заговоришь. Ребяпа! снимите-ка съ него дурацкій полосатый халатъ, да выспрочите ему спину. Смопри жь, Юлай: хорошенько его!»

Два инвалида спали Башкирца раздѣвашь. Лице несчастнаго изобразило безпокойство. Онъ оглядывался на всѣ стороны, какъ звѣрокъ, пойманный дѣтьми. Когда жь одинъ изъ инвалидовъ взялъ его руки и положивъ ихъ себѣ около шеи, поднялъ старика на свои плечи, а Юлай взялъ плеть и замахнулся, тогда Башкирецъ застоналъ слабымъ, умоляющимъ голосомъ, и кивая головою, открылъ ротъ, въ которомъ вмѣсто языка шевелился короткій обрубокъ.

Когда вспомню, что это случилось на моемъ вѣку, и что нынѣ дожилъ я до кропкаго царствованія Императора Александра,

не могу не дивиться быспрымъ успѣхамъ просвѣщенія и распросстраненію правилъ человѣколюбія. Молодой человѣкъ! если записки мои попадутся въ твои руки, вспомни, что лучшія и прочнѣйшія измѣненія суть тѣ, которыя происходятъ отъ улучшения нравовъ, безъ всякихъ насильственныхъ потрясеній.

Всѣ были поражены. «Ну» — сказалъ комендантъ; «видно намъ отъ него полку не добиться. Юлай, отведи Башкирца въ анбаръ. А мы, господа, кой о чемъ еще пополкуемъ.»

Мы спали разсуждать о нашемъ положеніи, какъ вдругъ Василиса Егоровна вошла въ комнату, задыхаяся и съ видомъ чрезвычайно встревоженнымъ.

«Что это съ тобой случилось? спросилъ изумленный комендантъ.

— Батюшки, бѣда! — отвѣчала Василиса Егоровна. Нижнеозерная взята сегодня упрямъ. Работникъ отца Герасима сейчасъ отшуда воропился. Онъ видѣлъ, какъ ее брали. Комендантъ и всѣ офицеры перевѣшаны.

Всѣ солдаты взяты въ полонъ. Того и гляди, злодѣи будутъ сюда.

Неожиданная вѣсть сильно меня поразила. Комендантъ Нижнеозерной крѣпости, тихій и скромный молодой человекъ, былъ мнѣ знакомъ : мѣсяца за два передъ тѣмъ проѣзжалъ онъ изъ Оренбурга съ молодой своей женою и останавливался у Ивана Кузмича. Нижнеозерная находилась отъ нашей крѣпости верстахъ въ двадцати пяти. Съ часу на часъ должно было и намъ ожидать нападенія Пугачева. Участъ Марьи Ивановны живо представилась мнѣ , и сердце у меня такъ и замерло.

Послушайте , Иванъ Кузмичъ ! — сказалъ я коменданту. Долгъ нашъ защищать крѣпость до послѣдняго нашего издыханія, объ этомъ и говорить нечего. Но надобно подумать о безопасности женщинъ. Отправьте ихъ въ Оренбургъ, если дорога еще свободна, или въ отдаленную , болѣе надежную крѣпость, куда злодѣи не успѣли бы достигнуть.

Иванъ Кузмичъ оборотился къ женѣ и сказалъ ей : « А слышь ты , мапушка, и въ

самомъ дѣлѣ, не отправишь ли васъ подалѣ, пока не управимся мы съ буншовщиками?»

— И, пустое! — сказала комендантша. Гдѣ такая крѣпость, куда бы пули не залетали? Чѣмъ Бѣлогорская ненадежна? Слава Богу, двадцать впорой годъ въ ней проживаемъ. Видали и Башкирцевъ и Киргизцевъ: авось и опъ Пугачева опсидимся!

«Ну, мапушка» возразилъ Иванъ Кузмичъ «оставайся пожалуй, коли ты на крѣпость нашу надѣешься. Да съ Машей-то что намъ дѣлать? Хорошо, коли опсидимся, или дождемся сикурса; ну, а коли злодѣи возьмутъ крѣпость?»

Ну, тогда. . . . Тупъ Василиса Егоровна заикнулась и замолчала съ видомъ чрезвычайнаго волненія.

«Нѣтъ, Василиса Егоровна» продолжалъ комендантъ, замѣчая, что слова его подѣйствовали, можешь быть, въ первый разъ въ его жизни. «Мать здѣсь оставайся не гонже. Отправимъ ее въ Оренбургъ къ ея крестной матери: тамъ и войска и пушекъ довольно, и стѣна каменная. Да и тебѣ совѣшвалъ бы съ нею туда же отправишься;

даромъ что ты старуха, а посмотри, что съ тобою будешь, коли возьмуть фортецію приступомъ. »

— Добро, — сказала комендантша, — такъ и быть, отправимъ Машу. А меня и во снѣ не проси: не поѣду. Нечего мнѣ подъ старость лѣтъ разсваиваться съ тобою, да искапать одинокой могилы на чужой сторонкѣ. вмѣстѣ жить, вмѣстѣ и умирать.

« И по дѣло » сказалъ комендантъ. « Ну, медлить нечего. Спупай готовить Машу въ дорогу. Завтра чѣмъ свѣтъ ее и отправимъ, да дадимъ ей и конвой, хоть людей лишнихъ у насъ и нѣтъ. Да гдѣ же Маша? »

— У Акулины Памфиловны, — отвѣчала комендантша. Ей сдѣлалось дурно, какъ услышала о взятіи Нижнеозерной; боюсь, чтобы не занемогла. Господи Владыко, до чего мы дожили!

Василиса Егоровна ушла хлопотать объ отъѣздѣ дочери. Разговоръ у коменданта продолжался; не я уже въ него не мѣшался и ничего не слушалъ. Марья Ивановна явилась къ ужину, блѣдная и заплаканная. Мы отпужинали молча, и вспали изъ-за стола ско-

рѣе обыкновеннаго ; простясь со всѣмъ семействомъ, мы отправились по домамъ. Но я нарочно забылъ свою шпагу и воропился за нею : я предчувствовалъ , что застану Марью Ивановну одну. Въ самомъ дѣлѣ, она вспрѣшила меня въ дверяхъ и вручила мнѣ шпагу. «Прощайте, Пётръ Андреичъ!» сказала она мнѣ со слезами; «Меня посылаютъ въ Оренбургъ. Будьте живы и счастливы; можетъ быть, Господь приведетъ насъ другъ съ другомъ увидѣться; если же нѣтъ».... Тутъ она зарыдала. Я обнялъ ее. — Прощай, ангель мой , — сказалъ я , — прощай, моя милая, моя желанная! Что бы со мною ни было, вѣрь, что послѣдняя моя мысль и послѣдняя молитва будетъ о тебѣ! Маша рыдала, прильнувъ къ моей груди. Я съ жаромъ ее поцѣловалъ, и поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

Г Л А В А VII.

ПРИСТУПЪ.

Голова моя головушка,
Голова послуживая!
Послужила моя головушка
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Ахъ, не выслужила головушка
Ни корысти себѣ, ни радости,
Какъ ни слова себѣ добраго
И не рангу себѣ високаго;
Только выслужила головушка
Два высокіе столбика,
Перекладинку кленовую,
Еще петельку шелковую.

Народная пѣсня.

Въ эту ночь я не спалъ и не раздѣвался.
Я намѣренъ былъ отправиться на зарѣ къ

крѣпостнымъ ворошамъ, откуда Марья Ивановна должна была выѣхать, и тамъ проститься съ нею въ послѣдній разъ. Я чувствовалъ въ себѣ великую перемѣну: волненіе души моей было мнѣ гораздо менѣе тягостно, нежели по уныніе, въ которомъ еще недавно былъ я погруженъ. Съ грустію разлуки сливались во мнѣ и неясныя, но сладостныя надежды, и нетерпѣливое ожиданіе опасностей, и чувства благороднаго честолюбія. Ночь прошла незамѣтно. Я хотѣлъ уже выдти изъ дому, какъ дверь моя отворилась и ко мнѣ явился капралъ съ донесеніемъ, что наши казаки ночью выступили изъ крѣпости, взявъ насильно съ собою Юлая, и что около крѣпости разъѣзжаютъ невѣдомые люди. Мысль, что Марья Ивановна не успѣетъ выѣхать, ужаснула меня; я поспѣшно далъ капралу нѣсколько наставленій, и тотчасъ бросился къ коменданту.

Ужъ разсвѣтало. Я лѣпѣлъ по улицѣ, какъ услышалъ, что зовутъ меня. Я остановился. «Куда вы?» сказалъ Иванъ Игнапъичъ, догоняя меня. «Иванъ Кузьмичъ на валу, и

послалъ меня за вами. Пугачъ пришелъ.» — Уѣхала ли Марья Ивановна? — спросилъ я съ сердечнымъ шрепетомъ. — «Не успѣла» отвѣчала Иванъ Игнапъичъ «дорога въ Оренбургъ отрубана; крѣпость окружена. Плохо, Пептръ Андреичъ!»

Мы пошли на валъ, возвышеніе образованное природой и укрѣпленное часпоколомъ. Тамъ уже толпились всѣ жишели крѣпости. Гарнизонъ споялъ въ ружьѣ. Пушку шуда перешащили наканунѣ. Комендантъ расхаживалъ передъ своимъ малочисленнымъ спроемъ. Близость опасности одушевляла спараго воина бодростію необыкновенной. По спешпи, не въ дальнемъ разспояніи отъ крѣпости, разѣжали человѣкъ двадцать верхами. Они, казалось, казаки, но между ими находились и Башкирцы, копорыхъ легко можно было распознать по ихъ рысьимъ шапкамъ и по колчанамъ. Комендантъ обошелъ свое войско, говоря солдапамъ: «Ну, дѣшущики, постоймъ сегодня за мапушку Государыню, и докажемъ всему свѣшу, что мы люди brave и присяжные!» Солдапы громко изъявили усердіе. Швабринъ стоялъ под-

лъ меня и приспально глядѣль на непріятеля Люди, разбѣжающіе въ степи, замѣпя движеніе въ крѣпости, съѣхались въ кучку и спали между собою полковаць. Комендантъ велѣль Ивану Игнапъичу навеспи пушку на ихъ толпу, и самъ приставиль фипиль. Ядро зажужжало и пролетѣло надъ ними, не сдѣлавъ ни какого вреда. Наѣздники, разсѣясь, топчасъ ускакали изъ виду, и степь опустѣла.

Тутъ явилась на валу Василиса Егоровна и съ нею Маша, нехотѣвшая отспать опъ нея. «Ну, что?» сказала комендантша. «Каково идешь бапалья? гдѣ же непріятель?» — Непріятель недалече — опвѣчаль Иванъ Кузмичъ — Богъ дастъ, все будетъ ладно. Что, Маша, спрашно тебѣ? — «Нѣтъ, папенька, — опвѣчала Марья Ивановна; дома одной спрашнѣе. » Тутъ она взглянула на меня и съ усиліемъ улыбнулась. Я невольно списнулъ рукояць моей шпаги, вспомня, что наканунѣ получилъ ее изъ ея рукъ, какъ бы на защиту моей любезной. Я жаждаль доказать, что былъ достоинъ ея довѣренности

и съ неперпѣніемъ спалъ ожидать рѣшительной минуты.

Въ это время изъ-за высоты, находившейся въ полверстѣ отъ крѣпости, показались новыя конныя толпы, и вскорѣ степь усѣялась множествомъ людей, вооруженныхъ копьями и сайдаками. Между ими на бѣломъ конѣ ѣхалъ человекъ въ красномъ кафтанѣ съ обнаженной саблею въ рукѣ: это былъ самъ Пугачевъ. Онъ остановился; его окружили и, какъ видно, по его повелѣнію, четыре человека отдѣлились и во весь опоръ подскакали подъ крѣпость. Мы въ нихъ узнали своихъ измѣнниковъ. Одинъ изъ нихъ держалъ надъ шапкою листъ бумаги; у другаго на копѣ вспкнута была голова Юлая, которую, спряхнувъ, перекинулъ онъ къ намъ чрезъ часткоколь. Голова бѣднаго Калмыка упала къ ногамъ коменданта. Измѣнники кричали: « Не стрѣляйте; выходите вонъ къ Государю. Государь здѣсь! »

« Вотъ я васъ! » закричалъ Иванъ Кузмичъ. « Ребята, стрѣляй! » Солдаты наши дали залпъ. Казакъ, державшій письмо, зашапался и свалился съ лошади; другіе поскакали назадъ.

Я взглянулъ на Марью Ивановну. Пораженная видомъ окровавленной головы Юлая, оглушенная залпомъ, она казалась безъ намяти. Комендантъ подозвалъ капрала и велѣлъ ему взять листъ изъ рукъ убилаго казака. Капраль вышелъ въ поле и возвратился, ведя подъ усьцы лошадь убилаго. Онъ вручилъ коменданту письмо. Иванъ Кузмичъ прочелъ его про себя и разорвалъ потомъ въ клочки. Между тѣмъ мятежники видимо приготавлились къ дѣйствию. Вскорѣ пули начали свистать около нашихъ ушей, и нѣсколько стрѣлъ вопкнулись около насъ въ землю и въ частую колу. «Василиса Егоровна!» — сказалъ комендантъ. «Здѣсь не бабье дѣло; уведи Машу; видишь, дѣвка ни жива, ни мертва.»

Василиса Егоровна, присмирѣвшая подъ пулями, взглянула на степь, на которой замѣтно было большое движеніе; потомъ оборотилась къ мужу и сказала ему: «Иванъ Кузмичъ, въ живомъ и смерти Богъ воленъ: благослови Машу. Маша, подойди къ отцу.»

Маша, блѣдная и трепещущая, подошла къ Ивану Кузмичу, стала на колѣни и по-

клонилась ему въ землю. Старый комендантъ перекрестилъ ее трижды; потомъ поднялъ, и поцѣловавъ, сказалъ ей измѣнившимся голосомъ: «Ну, Маша, будь счастлива. Молись Богу: Онъ тебя не оставитъ. Коли найдется добрый человекъ, дай Богъ вамъ любовь да совѣтъ. Живите, какъ жили мы съ Василисой Егоровной. Ну, прощай Маша. Василиса Егоровна, уведи же ее поскорѣе.» (Маша кинулась ему на шею, и зарыдала). — Поцѣлуемся жь и мы, — сказала комендантша. Прощай, мой Иванъ Кузмичъ. Отпусти мнѣ, коли въ чемъ я тебѣ досадила! — «Прощай, прощай, мапушка!» сказалъ комендантъ, обнявъ свою спаруху. «Ну, довольно! Спупайте, спупайте домой; да коли успѣешь, надѣнь на Машу сарафанъ.» Комендантша съ дочерью удалились. Я глядѣлъ во слѣдъ Марьи Ивановны; она оглянулась и кивнула мнѣ головой. Тупъ Иванъ Кузмичъ оборотился къ намъ, и все вниманіе его устремилось на непріятеля. Мяшежники съѣзжались около своего предводитиеля, и вдругъ начали слѣзать съ лошадей. «Теперь спойте крѣпко» сказалъ комендантъ; «будетъ при-

сшупъ » . . . Въ эшу минушу раздался страшный визгъ и крики; мяшежники бѣгомъ бѣжали къ крѣпости. Пушка наша заряжена была каршечью. Комендантъ подпустилъ ихъ на самое близкое разстояние, и вдругъ выпалилъ опять. Каршечь хвапила въ самую средину толпы. Мяшежники опхлынули въ обѣ стороны и попяшились. Предводитиель ихъ оспался одинъ впереди . . . Онъ махалъ саблею, и казалось, съ жаромъ ихъ уговаривалъ . . . Крикъ и визгъ, умолкнувшіе на минушу, потчасъ снова возобновились. « Ну ребята » сказалъ комендантъ; « пенерь опворяй вороша, бей въ барабанъ. Ребята! впередъ, на вылазку, за мною! »

Комендантъ, Иванъ Игнашъичъ и я мигомъ очутились за крѣпостнымъ валомъ; но обробѣлый гарнизонъ не пронулся. « Чшо жъ вы, дѣшушки, споише? » закричалъ Иванъ Кузмичъ. « Умирашь, такъ умирашь: дѣло живое! » Въ эшу минушу мяшежники набѣжали на насъ и ворвались въ крѣпость. Барабанъ умолкъ; гарнизонъ бросилъ ружья; меня сшибли-было съ ногъ, но я вспалъ и вмѣстѣ съ мяшежниками вошелъ въ крѣпость.

Комендантъ, раненный въ голову, споялъ въ кучкѣ злодѣевъ, которые прѣбовали отъ него ключей. Я бросился-было къ нему на помощь: нѣсколько дюжинъ казаковъ схватили меня и связали кушаками, приговаривая: «Вотъ ужо вамъ будетъ, государевымъ послушникамъ!» Насъ пощадили по улицамъ; жипели выходили изъ домовъ съ хлѣбомъ и солью. Раздавался колокольный звонъ. Вдругъ закричали въ толпѣ, что Государь на площади ожидаетъ плѣнныхъ и принимаетъ присягу. Народъ повалилъ на площадь; насъ погнало туда же.

Пугачевъ сидѣлъ въ креслахъ на крыльцѣ комендантскаго дома. На немъ былъ красивый казацкій кафтанъ, обшитый галунами. Высокая шапка съ золотыми кистями была надвинута на его сверкающіе глаза. Лице его показалось мнѣ знакомо. Казацкіе старшины окружали его. Отецъ Герасимъ, блѣдный и дрожащій, стоялъ у крыльца, съ крестомъ въ рукахъ, и, казалось, молча, умолялъ его за предстоящія жертвы. На площади ставили наскоро висѣлицу. Когда мы приблизились, Башкирцы разогнали народъ

и насъ предсавили Пугачеву. Колокольный звонъ ушихъ; настала глубокая тишина. « Кошорый коменданшь?» спросилъ самозванецъ. Нашъ урядникъ выступилъ изъ шолпы и указаль на Ивана Кузмича. Пугачевъ грозно взглянулъ на спарика и сказалъ ему: « Какъ ты смѣль пропивишься мнѣ, своему Государю?» Коменданшь, изнемогая отъ раны, собралъ послѣднія силы, и отвѣчалъ твердымъ голосомъ: « Ты мнѣ не Государь, ты воръ и самозванецъ, слышь ты!» Пугачевъ мрачно нахмурился и махнулъ бѣлымъ плашкомъ. Нѣсколько казаковъ подхвапили стараго капитана и пошацили къ висѣлицѣ. На ея перекладинѣ очутился верхомъ изувѣченный Башкирецъ, котораго допрашивали мы наканунѣ. Онъ держаль въ рукѣ веревку и черезъ минушу увидѣль я бѣднаго Ивана Кузмича вздернушаго на воздухъ. Тогда привели къ Пугачеву Ивана Игнашьича. « Присягай» сказалъ ему Пугачевъ «Государю Петру Ѳедоровичу!» — Ты намъ не Государь, отвѣчалъ Иванъ Игнашьичъ, повшоря слова своего капитана. Ты, дядюшка, воръ и самозванецъ! — Пугачевъ махнулъ опять плаш-

комъ , и добрый поручикъ повисъ подлѣ своего стараго начальника.

Очередь была за мною. Я глядѣль смѣло на Пугачева, готовясь повторить отвѣтъ великодупныхъ моихъ поварищей. Тогда, къ неопisanному моему изумленію, увидѣль я среди мяшежныхъ старшинъ Швабрина, обсприженнаго въ кружокъ и въ казацкомъ кафтанѣ. Онъ подошелъ къ Пугачеву и сказалъ ему на ухо нѣсколько словъ. « Въшапъ его!» сказалъ Пугачевъ, не взглянувъ уже на меня. Мнѣ накинуди на шею петлю. Я спалъ читая про себя молитву, принося Богу искреннее раскаяніе во всѣхъ моихъ прегрѣшеніяхъ и моля Его о спасеніи всѣхъ близкихъ моему сердцу. Меня пощипали подъ висѣлицу. « Не бось, не бось! » повторяли мнѣ губипели, можетъ быть и вправду желая меня ободрить. Вдругъ услышалъ я крикъ : « Постой-те, окаянные! погодите! » . . . Палачи остановились. Гляжу: Савельичъ лежитъ въ ногахъ у Пугачева. « Отецъ родной! » говорилъ бѣдный дядька: « что тебѣ въ смерти барскаго дилтяпи? Отпусти его; за него тебѣ выкупъ да-

дуть, а для примѣра и страха ради, вели повѣсить хоть меня старика!» Пугачевъ далъ знакъ, и меня топчасъ развязали и оставили. «Батюшка нашъ тебя милуетъ» — говорили мнѣ. Въ эту минуточку не могу сказать, чѣмъ я обрадовался своему избавленію, не скажу однако жъ, чѣмъ я о немъ и сожалѣлъ. Чувствованія мои были слишкомъ смутны. Меня снова привели къ самозванцу и поставили предъ нимъ на коленіи. Пугачевъ протянулъ мнѣ жилистую свою руку. «Цѣлуй руку, цѣлуй руку!» — говорили около меня. Но я предпочелъ бы самую любую казнь этому подлому униженію. «Батюшка Петръ Андреичъ!» — шепталъ Савельичъ, стоя за мною и толкая меня. «Не упрямяся! Чѣмъ тебѣ спойтъ? плюнь да поцѣлуй у злод. . . . (тьфу!) поцѣлуй у него ручку» Я не шевелился. Пугачевъ опустилъ руку, сказавъ съ усмѣшкою: «Его благородіе знаетъ одурѣлъ отъ радости. Подымите его!» — Меня подняли и оставили на свободѣ. Я спалъ смотрѣть на продолженіе ужасной комедіи.

Жители начали присягать. Они подходи-

ли одинъ за другимъ, цѣлуя распятіе и потомъ кланяясь самозванцу. Гарнизонные солдаты стояли шуть же. Ротный поршной, вооруженный шупыми своими ножницами, рѣзалъ у нихъ косы. Они, опряхиваясь, подходили къ рукъ Пугачева, который объявлялъ имъ прощеніе и принималъ въ свою шайку. Все это продолжалось около прехъ часовъ. Наконецъ Пугачевъ всталъ съ кресель и сошелъ съ крыльца въ сопровожденіи своихъ старшинъ. Ему подвели бѣлаго коня, украшеннаго богатой сбруей. Два казака взяли его подъ руки и посадили на сѣдло. Онъ объявилъ отцу Герасиму, что будетъ обѣдать у него. Въ эту минушу раздался женскій крикъ. Нѣсколько разбойниковъ вытащили на крыльцо Василису Егоровну, расшрепанную и раздѣтую донага. Одинъ изъ нихъ успѣлъ уже нарядиться въ ея душегрѣйку. Другіе таскали перины, сундуки, чайную посуду, бѣлье и всю рухлядь. « Батюшки мои! » кричала бѣдная старушка. « Отпустите душу на покаяніе. Отцы родные! отведите меня къ Ивану Кузмичу. » Вдругъ она взглянула на висѣлицу и узнала

своего мужа. «Злодѣи!» закричала она въ изступленіи. «Что это вы съ нимъ сдѣлали? Свѣтъ ты мой, Иванъ Кузмичъ, удалая солдатская головушка! не пронули тебя штыки Прусскіе, ни пули Турецкія; не въ честномъ бою положилъ ты свой животъ, а сгинулъ отъ бѣглаго капоржника!» — Унявъ старую вѣдьму! — сказалъ Пугачевъ. Тутъ молодой казакъ ударилъ ее саблею по головѣ. и она упала мертвая на ступени крыльца. Пугачевъ уѣхалъ; народъ бросился за нимъ.

